

ВЕКТОР НАУКИ

Тольяттинского
государственного
университета
Серия: Юридические науки

Основан в 2010 г.

№ 4 (35)

2018

16+

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тольяттинский государственный университет»

Главный редактор

Кристал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент
Литинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор
Хачатуров Рудольф Левонович, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор
Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор
Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор
Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор
Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор
Исаев Николай Алексеевич, доктор юридических наук, профессор
Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент
Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук
Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор
Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор
Лясковска Катажина, доктор юридических наук, профессор
Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор
Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор
Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, доцент
Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор
Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор
Рябинина Татьяна Кимовна, кандидат юридических наук, профессор
Тимофеева Елена Александровна, доктор педагогических наук, доцент
Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь

Битюкова Юлия Владимировна

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования».

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-40002 от 27 мая 2010 г.).

Компьютерная верстка:
Н.А. Никитенко

Ответственный/технический редактор:
Н.А. Никитенко

Адрес редакции: 445020, Россия, Самарская область, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 54-63-64

E-mail: vektornaukitgu@yandex.ru

Сайт: <http://www.tltsu.ru>

Подписано в печать 29.12.2018.

Выход в свет 28.02.2019.

Формат 60×84 1/8.

Печать оперативная.

Усл. п. л. 4,5.

Тираж 50 экз. Заказ 3-28-19.

Цена свободная.

Издательство Тольяттинского государственного университета
445020, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Криштал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, Россия)

Заместители ответственного редактора:

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент
(Тольяттинский государственный университет, Россия)

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, Россия)

Хачатуров Рудольф Левонович, доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, Россия)

Редколлегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор, академик Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, ректор
(Ереванский университет «Манц», Ереван, Республика Армения).

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор
(Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия).

Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор
(Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия).

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор
(Естественно-Гуманитарный Университет в г. Седльце, Польша).

Исаев Николай Алексеевич, доктор юридических наук, профессор
(Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия).

Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права
(Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь).

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук
(Университет Лазарского, Варшава, Польша).

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор
(Российская академия народного хозяйства при Президенте РФ, Москва, Россия).

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор
(Самарский национально исследовательский университет им. Академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор
(Правовая академия Таллинского университета, Таллин, Эстония).

Ляковска Катажина, доктор юридических наук, профессор
(Университет в Белостоке, Польша).

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
(Саратовский филиал Учреждения Российской академии наук Института государства и права РАН, Саратов, Россия).

Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия).

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор
(Самарская гуманитарная академия, Самара, Россия).

Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, доцент
(Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор
(Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия).

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
(Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия).

Рябинина Татьяна Кимовна, кандидат юридических наук, профессор
(Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия).

Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор, директор НИИ правовой политики и конституционного законодательства
(Казахский гуманитарно-юридический университет, Астана, Республика Казахстан).

СОДЕРЖАНИЕ

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С БОЛЕЗНЬЮ ОСУЖДЕННОГО С.И. Вершинина.....	5
ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЛИЧНОГО ПОРУЧИТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ А.В. Закомолдин.....	10
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ А.И. Ивенский, К.И. Капитанов, К.А. Забурдаева, Л.В. Макаров.....	15
ПРОБЛЕМА СУДЕЙСКОГО УСМОТРЕНИЯ В ПОЛЕМИКЕ Г. ХАРТА И Р. ДВОРКИНА: ОЧЕРК ОСНОВНЫХ ПОЗИЦИЙ С.Н. Касаткин.....	21
ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ РОССИЙСКИХ И ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И.В. Рузанов.....	28
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В РОССИИ А.Н. Станкин.....	33
НАШИ АВТОРЫ.....	38

CONTENT

THE RELEASE FROM PUNISHMENT ON MEDICAL GROUNDS S.I. Vershinina.....	5
THE PROBLEMS OF APPLICATION OF A PERSONAL SURETYSHIP IN THE CRIMINAL PROCEDURE OF RUSSIA A.V. Zakomoldin.....	10
SOME ISSUES OF LEGISLATIVE REGULATION OF THE URGENT INVESTIGATIVE ACTIONS INSTITUTION A.I. Ivenskiy, K.I. Kapitanov, K.A. Ziburdaeva, L.V. Makarov.....	15
THE PROBLEM OF JUDICIAL DISCRETION IN HART-DWORKIN DEBATE: AN OVERVIEW OF MAIN POSITIONS S.N. Kasatkin.....	21
THE PROBLEM OF INTERRELATION OF ECONOMIC RIGHTS OF RUSSIAN AND FOREIGN CITIZENS I.V. Ruzanov.....	28
ABOUT SOME SPECIAL ASPECTS OF THE PRINCIPLE OF SEPARATION OF POWERS IN RUSSIA A.N. Stankin.....	33
OUR AUTHORS.....	38

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С БОЛЕЗНЬЮ ОСУЖДЕННОГО

© 2018

С.И. Вершинина, доктор юридических наук, доцент
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: освобождение от наказания; тяжелое заболевание; тяжелобольной осужденный; права осужденного; медико-социальная экспертиза; перечень заболеваний; решение об освобождении от наказания.

Аннотация: Данная статья – результат участия автора в обсуждении вопросов на Круглом столе «Совершенствование порядка освобождения от отбывания наказания в связи с тяжелой болезнью», прошедшем 31 марта 2017 г. в Совете Федерации РФ по инициативе Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству и Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Выступающие на Круглом столе ученые и практики отметили наличие проблем в правовом регулировании института освобождения и уделили особое внимание гуманизации законодательства в этой сфере. С учетом рекомендаций круглого стола, автор статьи останавливается на наиболее проблемных моментах правового регулирования освобождения от наказания тяжелобольных осужденных и предлагает свой вариант их разрешения в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. В частности, предлагается дополнить часть 2 ст. 81 Уголовного Кодекса Российской Федерации положением, содержащимся в ст. 175 Уголовно-исполнительного кодекса РФ: «Перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания, утверждается Правительством Российской Федерации», одновременно исключив его из Уголовно-исполнительного кодекса. В уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, по мнению автора статьи, следует ввести новую статью 400.1 «Рассмотрение ходатайства об освобождении осужденного от наказания в связи с тяжелым заболеванием», закрепив в ней две процедуры реализации данного института, различаемые по субъекту, инициировавшему производство по освобождению осужденных от отбывания наказания в связи с тяжелым заболеванием. В первом случае возбуждение производства инициируется осужденным, во втором – администрацией места содержания под стражей.

ВВЕДЕНИЕ

В действующем законодательстве освобождение осужденных от отбывания наказания в связи с тяжелым заболеванием, рассматривается как межотраслевой институт, так как составляющие его содержание нормы рассредоточены в трех кодексах – уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном. Уголовный кодекс РФ в ч. 2 ст. 81 закрепляет полномочие суда освобождать осужденных, заболевших тяжелым заболеванием от отбывания наказания. Уголовно-процессуальный кодекс РФ также содержит ряд положений, составляющих содержание рассматриваемого института. Этим вопросам, в частности посвящены отдельные предписания ч. 1 ст. 397; ч. 1 ст. 399 и других частей ст. 399, регулирующие порядок решения вопросов, направленных на исполнение приговора. При анализе и сопоставлении указанных статей видно, что пункт 6 части 1 ст. 397 УПК РФ дублирует часть 2 ст. 81 УК РФ, в части закрепления полномочий суда на рассмотрение вопросов по освобождению тяжелобольных осужденных от отбывания наказания; пункт второй ч. 1 ст. 399 в качестве инициатора возбуждения производства по освобождению от наказания указывает исключительно осужденного, заявляющего соответствующее ходатайство; остальные части ст. 399 закрепляют общий порядок решения вопросов по исполнению приговора, который распространяется в том числе, и на судебное рассмотрение ходатайства осужденного на освобождение от наказания. В Уголовно-исполнительном кодексе РФ отдельные указанные выше положения получают детализацию. Так, часть 6 ст. 175 УИК РФ, предусматривает, что ходатайство об освобождении от дальнейшего отбывания наказания в связи с тяжелой болезнью осужденный подает через администрацию учреждения или органа, исполняющего наказание; одновременно с ходатайством, в суд направляются заключение медицинской

комиссии или учреждения медико-социальной экспертизы и личное дело осужденного. К сожалению, межотраслевой характер рассматриваемого института и многочисленность правовых источников, регулирующих данные отношения, не гарантирует качество правовых норм и не исключает изъяны в правовом регулировании процедур, обеспечивающих реализацию права осужденных на освобождение.

Цель работы – рассмотрение наиболее проблемных моментов правового регулирования института освобождения от наказания тяжелобольных осужденных и определение направлений их совершенствования в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Институт освобождения осужденных от наказания в связи с тяжелым заболеванием постоянно находится в центре внимания ученых и практиков [1–3] несмотря на то, что многие годы судебная практика, по оценке авторитетных ученых [4; 5], не признавала в качестве основания освобождения осужденного от наказания наличие у него тяжелого заболевания. Внимание к этому институту в последние годы свидетельствует о гуманном отношении общества к лицам, совершившим преступления и об отсутствии у законодателя исключительно карательных целей в применении наказания.

Анализируя качество правового регулирования рассматриваемого института, прежде всего, обратим внимание на нормативное закрепление основания освобождения от наказания – иная тяжелая болезнь осужденного, указанного в ч. 2 ст. 81 Уголовного кодекса РФ. Учитывая общий характер этого положения, очевидно, что для его применения требуется разъяснение относительно перечня заболеваний, входящих в понятие «иная тяжелая болезнь». Такое разъяснение содержится в ч. 8

ст. 175 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, закрепляющей полномочия Правительства РФ на утверждение Перечня заболеваний. И здесь следует согласиться с Д.Ю. Вешняковым, по мнению которого «наказуемость деяния определяется только УК РФ и только УК РФ может определять пределы действия уголовно-правовых норм». [6, с. 40] В связи с этим считаем целесообразным перенести отдельные положения ч. 8 ст. 175 УИК РФ в содержание части 2 ст. 81 УК РФ. Такой подход не только не исключает бланкетный характер указанных норм, на что обращал внимание Г. Борзенков [7], но делает связь между нормами более понятной и конкретной.

Также остается без правового регулирования значительный период времени, исчисляемый от момента подачи осужденным ходатайства до направления администрацией учреждения в суд ходатайства и документов, указанных в законе. А ведь именно в этот период у администрации появляются обязанности, корреспондирующие праву осужденного на освобождение в связи с тяжелой болезнью, которые остаются вне правового поля. И хотя ученые уже обращали внимание на этот пробел в правовом регулировании [8; 9], проблема до сих пор не решена.

Еще одна трудность вызвана противоречивостью отдельных положений действующего закона и предписаний нормативно-правовых актов, чье принятие обозначено в законе. С одной стороны, предусмотренная в УПК РФ совокупность процессуальных решений и действий, обеспечивающих судебную процедуру решения вопроса, не допускает от администрации уголовно-исполнительного учреждения какого-либо отказа на проведение медицинского освидетельствования осужденного, страдающего тяжелой болезнью. С другой стороны, на возможность отказа в медицинском освидетельствовании осужденного прямо указано в Правилах медицинского освидетельствования, утвержденных постановлением Правительства РФ № 54 [10]. В соответствии с п. 8 указанных Правил, осужденный может получить отказ в направлении на освидетельствование. Тогда осужденный вправе заявить административный иск (жалобу), в порядке административного судопроизводства. Помимо того, что этот этап не согласован с остальными, указанными выше этапами производства, он прямо противоречит нормам уголовного и уголовно-процессуального права и существенно ограничивает права осужденных на освобождение от наказания в связи с тяжелой болезнью.

Следовательно, в производстве по освобождению от наказания в связи с тяжелой болезнью, должен появиться этап, в течение которого осужденный, независимо от администрации места содержания, сможет ходатайствовать о направлении его на медицинское освидетельствование в лечебное или медицинское учреждение уголовно-исполнительной системы, либо учреждение государственной и муниципальной систем здравоохранения. Также следует согласиться с В.И. Селиверстовым, указывающим на необходимость сокращения сроков рассмотрения администрацией мест содержания под стражей и судом ходатайств осужденных и их адвокатов [11].

Указанные противоречия должны быть решены на уровне уголовно-процессуального законодательства. Для этого следует исходить из стадийности производст-

ва по освобождению осужденного, страдающего тяжелым заболеванием. В частности, можно выделить следующие этапы:

- 1) первичное диагностирование в условиях стационарного лечения тяжелобольного осужденного, заболевание которого включено в Перечень заболеваний;
- 2) заявление осужденным ходатайства об его освобождении от наказания;
- 3) направление осужденного на медосвидетельствование и реальное проведение освидетельствования;
- 4) передача в суд администрацией учреждения медицинского заключения и личного дела осужденного;
- 5) судебное рассмотрение ходатайства осужденного и иных документов.

Для обеспечения единообразия в решении рассматриваемых вопросов, в том числе при определении направлений совершенствования порядка освобождения от отбывания наказания осужденных в связи с тяжелым заболеванием, следует взять за основу следующие принципиальные положения, на которых основана действующая правовая регламентация данного института:

– только суд вправе принимать решение по освобождению осужденного от наказания в связи с тяжелым заболеванием;

– у осужденного, заболевшего тяжелой болезнью, возникает право ходатайствовать об освобождении от отбывания наказания;

– администрация учреждения, исполняющего наказание, наделяется обязанностью на представление в суд заключения о медицинском освидетельствовании осужденного;

– суд вправе принять решение как об освобождении осужденного от отбывания наказания, так и об отказе в его ходатайстве.

И хотя большинство ученых, в том числе молодых [12; 13], согласны с последним утверждением, не все авторы его разделяют. Например, Ю.М. Заборовская пришла к выводу о необходимости «заменить право суда на освобождение в связи с тяжелым заболеванием на обязанность суда освобождать осужденных от отбывания наказания независимо от тяжести совершенного преступления» [14]. Полагаем, что такие новации вряд ли полезны. Жесткий императив в этом вопросе ограничит право тяжелобольного осужденного отказаться от освобождения и высказывать свое мнение при принятии решения.

Не решен в законодательстве и вопрос об обстоятельствах, подлежащих установлению в судебном заседании, влияющих на принятие решения об освобождении, на что обращено внимание в уголовно-процессуальной науке [15–17]. Как мы полагаем, судебному исследованию в обязательном порядке должны подлежать представленные участниками материалы, устанавливающие значимые для принятия решения обстоятельства:

– первичные медицинские документы, подтверждающие состояние здоровья осужденного;

– ходатайство осужденного или представление администрации об освобождении от отбывания наказания;

– заключение комиссии о медицинском освидетельствовании осужденного;

– характеристика осужденного в период отбывания наказания;

- личное дело осужденного;
- сведения о наличии у осужденного постоянного места жительства;
- согласие близких лиц или родственников тяжелобольного осужденного на осуществление за ним ухода, после его освобождения.

Развивая эти положения, мы пришли к выводу о необходимости выделения в производстве по освобождению осужденного от наказания в связи с его тяжким заболеванием двух процедур, различаемых с учетом того, кто выступает инициатором данного производства.

Обоснование первой процедуры. Если ориентироваться на действующие статьи законов, то лицом, иницирующим производство по освобождению осужденного, является только осужденный. Если же исходить из фактических действий и решений, составляющих содержание института освобождения и апробированных практикой [18; 19; 20], то следует признать, что лицом, возбуждающим производство по освобождению осужденного, является медицинское учреждение или часть, в которой осужденный находится на стационарном лечении и которое располагает достоверными сведениями о наличии у осужденного заболевания, включенного в Перечень. Вполне разумно и логично, что с момента установления у осужденного диагноза заболевания, включенного в Перечень заболеваний, у медицинских учреждений уголовно-исполнительной системы должна возникнуть обязанность по направлению осужденного на медицинское освидетельствование. Именно с этого момента у осужденного появляется право на освобождение от отбывания наказания в связи с тяжелой болезнью и, следовательно, право на проведение медицинского освидетельствования медицинскими комиссиями лечебно-профилактических учреждений уголовно-исполнительной системы, а также право отказаться от участия в медицинском освидетельствовании, и соответственно, от возможности быть освобожденным от наказания.

В связи с этим следует в каждом случае выявления у осужденного заболевания, обязать администрацию уголовно-исполнительного учреждения возбуждать соответствующее производство и проводить медицинское освидетельствование осужденного. Если в результате медицинского освидетельствования получено подтверждение о наличии заболевания, администрация исправительного учреждения в обязательном порядке выносит представление и обращается в суд для рассмотрения вопроса об освобождении осужденного. Полагаем, что в таких случаях, при невозможности осужденного участвовать в судебном заседании, участие его представителя (адвоката по назначению) обязательно.

Если по результатам медицинского освидетельствования медицинская комиссия придет к выводу об отсутствии у осужденного заболевания, включенного в Перечень заболеваний, администрация исправительного учреждения принимает решение о прекращении производства. При таком порядке логично положение, предусмотренное п. 12 Правил освидетельствования, согласно которому в случае ухудшения здоровья осужденного медицинская комиссия проводит повторное медицинское освидетельствование независимо от времени, прошедшего со дня предыдущего освидетельствования.

Обоснование второй процедуры. Закрепляя обязанность администрации возбуждать производство по освобождению осужденного от наказания в связи с тяжелым заболеванием, закон не должен лишать или ограничивать права осужденного на самостоятельное обращение в суд с ходатайством о назначении медицинского освидетельствования. Такое право особенно значимо для осужденных к наказанию, не связанному с лишением свободы, когда их тяжелая болезнь подтверждается медицинскими документами лечебно-профилактических учреждений государственной или муниципальной системы здравоохранения. Не менее значимо это право и для осужденных, которым администрация исправительного учреждения отказывает в направлении на медицинское освидетельствование. Вместо обращения с жалобой, как это предусмотрено п. 8 Правил медицинского освидетельствования, у осужденных должно быть право на обращение в суд с ходатайством о назначении медицинского освидетельствования.

Вместе с тем, для исключения необоснованных ходатайств со стороны осужденных следует законодательно установить обязанность осужденного вместе с ходатайством представлять в суд медицинские документы, свидетельствующие о наличии заболевания, включенного в Перечень заболеваний препятствующих отбыванию наказания, подтвержденного клиническими данными обследования его здоровья в условиях стационара лечебно-профилактического учреждения. Получение судьей ходатайства осужденного и указанных медицинских документов, должно стать основанием для принятия решения о назначении медицинского освидетельствования в соответствии с правилами, установленными постановлением Правительства РФ. Далее, при судебном рассмотрении вопроса о наличии у осужденного тяжелой болезни и его освобождении, применяются правила, содержащиеся в ст. 399 УПК РФ, за следующим исключением: следует обозначить предмет судебного разбирательства и основания принятия решения об освобождении от наказания.

Решение об освобождении от наказания принимается только при согласии осужденного. При этом суд должен удостовериться в наличии у осужденного постоянного места жительства, а также получить согласие близких лиц или родственников на уход за тяжелобольным осужденным. Если отсутствует хотя бы одно из указанных обстоятельств, судья отказывает в освобождении осужденного.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Итак, для решения выше обозначенных и иных проблем уголовно-процессуального регулирования, на которые обращается внимание в уголовно-процессуальной литературе, следует внести следующие изменения и дополнения в действующее законодательство:

1) дополнить ч. 2 ст. 81 УК РФ следующим положением, исключив его из ст. 175 УИК РФ:

«Лицо, заболевшее после совершения преступления иной тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания, может быть судом освобождено от отбывания наказания. Перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания, утверждается Правительством Российской Федерации»;

2) в УПК РФ закрепить порядок освобождения от наказания в связи с болезнью осужденного в качестве отдельного производства, в котором выделить две процедуры, различаемые по субъекту, инициировавшему данное производство. В первом случае заявление о возбуждении подает осужденный, во втором – администрация места содержания под стражей. Для решения этой проблемы предлагаем дополнить главу 47 УПК РФ новой статьей 400.1 «Рассмотрение ходатайства об освобождении осужденного от наказания в связи с тяжелым заболеванием».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мальцев В. Освобождение от наказания в связи с иной тяжелой болезнью // *Законность*. 2005. № 4. С. 39–42.
2. Матейкович М.С. Проблемы освобождения от наказания в связи с иной тяжелой болезнью // *Российская юстиция*. 2014. № 10. С. 21–24.
3. Щерба С.П. Исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении инвалидов: международные стандарты, законодательство и опыт России. М.: Юрлитинформ, 2015. 312 с.
4. Ткачевский Ю.М. Освобождение от наказания в связи с болезнью // *Законодательство*. 2000. № 10. С. 57–63.
5. Малков В.П. Ответственность граждан, освобожденных от отбывания наказания по болезни // *Российская юстиция*. 2001. № 6. С. 49–50.
6. Вешняков Д.Ю. Некоторые особенности освобождения от наказания в связи с болезнью // *Адвокат*. 2016. № 4. С. 38–41.
7. Борзенков Г. Бланкетные ли диспозиции статей УК о причинении вреда здоровью? // *Законность*. 2007. № 12. С. 14–18.
8. Грачева Ю.В. Судейское усмотрение в применении уголовно-правовых норм: проблемы и пути их решения. М.: Проспект, 2014. 317 с.
9. Жданова О.В. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты освобождения от наказания в связи с болезнью. Ставрополь: Сервисшкола, 2008. 118 с.
10. РФ. Постановление Правительства РФ от 06.02.2004 № 54 «О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью» (ред. от 19.05.2017) // *Консультант плюс: справочно-правовая система*. URL: consultant.ru.
11. Селиверстов В.И. Правовые проблемы освобождения от отбывания уголовного наказания по болезни // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина*. 2017. № 7. С. 42–49.
12. Данилян Р.С., Микаелян С.А. Освобождение от наказания в связи с болезнью: проблемы теории и практики // *Российский судья*. 2012. № 11. С. 7–9.
13. Борминцева А.В. Проблемы освобождения от наказания в связи с тяжелой болезнью // *Развитие: сборник материалов I-й международной научно-практической студенческой конференции в формате конкурса № I*. Липецк: РаДуши, 2017. С. 31–38.
14. Заборовская Ю.М. Реализация принципа гуманизма в отношении тяжело-больных осужденных инвалидов, отбывающих наказание в виде лишения свободы // *Вестник Кузбасского института*. 2016. № 4. С. 58–66.
15. Качалова О.В. Круглый стол «Актуальные вопросы судебной практики освобождения от наказания» // *Уголовное право*. 2015. № 3. С. 119–121.
16. Курченко В.Н. Рассмотрение ходатайств осужденных об освобождении от наказания в связи с болезнью // *Уголовный процесс*. 2017. № 1. С. 89–95.
17. Курченко В.Н. Освобождение от наказания в связи с болезнью: актуальные вопросы правоприменения // *Уголовное право*. 2017. № 3. С. 37–43.
18. Пархоменко Л.В. Актуальные вопросы освобождения от наказания в связи с тяжелой болезнью // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки*. 2015. Т. 1. № 1. С. 174–178.
19. Паталашко Н.В. Анализ судебной практики по рассмотрению судами ходатайств и представлений об освобождении осужденных от отбывания наказания в связи с тяжелой болезнью // *Форум. Серия: Гуманитарные и экономические науки*. 2016. № 1. С. 85–88.
20. Скиба А.П. Проблемы уголовно-процессуального регулирования освобождения от отбывания наказания в связи с болезнью осужденного // *Вестник института: преступление, наказание, исправление*. 2016. № 1. С. 27–31.

REFERENCES

1. Maltsev V. The release from punishment on the grounds of other serious disease. *Zakonnost*, 2005, no. 4, pp. 39–42.
2. Mateykovich M.S. Problems of exemption from punishment in connection with another serious illness. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2014, no. 10, pp. 21–24.
3. Shcherba S.P. *Ispolnenie nakazaniya v vide lisheniya svobody v otnoshenii invalidov: mezhdunarodnye standarty, zakonodatelstvo i opyt Rossii* [The performance of the imprisonment sentences in respect of the disabled: international standards, legislation and experience of Russia]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2015. 312 p.
4. Tkachevskiy Yu.M. The release from punishment on the grounds of illness. *Zakonodatelstvo*, 2000, no. 10, pp. 57–63.
5. Malkov V.P. The responsibility of citizens released from a punishment on the grounds of illness. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2001, no. 6, pp. 49–50.
6. Veshnyakov D.Yu. Some particular qualities of relief from punishment due to illness. *Advokat*, 2016, no. 4, pp. 38–41.
7. Borzenkov G. Are the dispositions of the Criminal Code articles concerning the personal injury blanket? *Zakonnost*, 2007, no. 12, pp. 14–18.
8. Gracheva Yu.V. *Sudeyskoe usmotrenie v primenenii ugovolno-pravovykh norm: problemy i puti ikh resheniya* [The judicial discretion in the application of criminal law standards: the problems and ways of their solution]. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 317 p.
9. Zhdanova O.V. *Ugolovno-pravovye i ugovolno-ispolnitelnye aspekty osvobozhdeniya ot nakazaniya v svyazi s boleznью* [Criminal law and penal aspects of the release from punishment on the grounds of illness]. Stavropol, Servisskola Publ., 2008. 118 p.

10. RF. The RF Government Resolution dated the 06th of February 2004 No. 54 “Concerning the medical examination of the convicted defendants submitted for the release from punishment on medical grounds” (ed. dated the 19th of May 2017). (In Russian)
11. Seliverstov V.I. Legal problems of exempting convicts from serving a criminal sentence due to illness. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina*, 2017, no. 7, pp. 42–49.
12. Danilyan R.S., Mikaelyan S.A. The release from punishment on medical grounds: the problems of theory and practice. *Rossiyskiy sudya*, 2012, no. 11, pp. 7–9.
13. Bormintseva A.V. The problems of the release from punishment on the grounds of serious disease. *Razvitie: sbornik materialov I-y mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy studencheskoy konferentsii v formate konkursa № 1*. Lipetsk, RaDushi Publ., 2017, pp. 31–38.
14. Zaborovskaya Yu.M. Realization of the principle of humanity concerning the seriously ill condemned disabled people serving sentence in the form of imprisonment. *Vestnik Kuzbasskogo institute*, 2016, no. 4, pp. 58–66.
15. Kachalova O.V. Round table “Topical issues of court practice of the release from punishment”. *Ugolovnoe pravo*, 2015, no. 3, pp. 119–121.
16. Kurchenko V.N. Consideration of petitions of convicted persons for exemption from punishment in connection with illness. *Ugolovnyy protsess*, 2017, no. 1, pp. 89–95.
17. Kurchenko V.N. Release from punishment on medical grounds: topical issues of law enforcement. *Ugolovnoe pravo*, 2017, no. 3, pp. 37–43.
18. Parkhomenko L.V. Actual issues of exemption from punishment in connection with a serious illness. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*, 2015, vol. 1, no. 1, pp. 174–178.
19. Patalashko N.V. Analysis jurisprudence review requests vessels and presentation of release convicts from serving the sentence due to a serious illness. *Forum. Seriya: Gumanitarnye i ekonomicheskie nauki*, 2016, no. 1, pp. 85–88.
20. Skiba A.P. Issues of criminal procedure regulation of the release from punishment due to illness of the convicted person. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*, 2016, no. 1, pp. 27–31.

THE RELEASE FROM PUNISHMENT ON MEDICAL GROUNDS

© 2018

S.I. Vershinina, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor,
Deputy Rector (Director of Institute of Law of Togliatti State University)
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: release from punishment; serious disease; seriously ill convicted defendant; the rights of a convicted defendant; medical and social assessment; the list of diseases; endorsement of relief from punishment.

Abstract: This paper is the result of participation of the author in the discussion of issues at the Round Table “The improvement of the procedure of the release on medical grounds” that took place on the 31st of March 2017 in the RF Council of Federation upon the initiative of the Committee on constitutional legislation and state construction and the Ombudsman for Human Rights in the Russian Federation. At the Round Table, the scientists and practitioners noted the existence of the problems in the legal regulation of the release institution and placed special emphasis on the humanization of the legislation in this sphere. Taking into account the round-table recommendations, the author highlights the most problem points of legal regulation of the release from the punishment of the seriously ill convicted defendants and proposes own variant for their solution in the criminal and criminal procedure legislation. In particular, the author offers to amend part 2 of Article 81 of the Criminal Code of the Russian Federation by adding the provision of Article 175 of the Penal Code of the RF “The list of diseases impeding the enduring of punishment, to be approved by the Government of the Russian Federation” and simultaneously omitting it from the Penal Code. To the author’s opinion, it is necessary to insert a new Article 400.1 “The consideration of a petition for the release of a convicted defendant from punishment on medical grounds” to the criminal procedure code of the Russian Federation and to set two procedures of implementation of this institution distinguished by a subject initiated the proceedings on the release of a convicted defendant from punishment associated with a serious disease. In the first case, the proceedings are initiated by a convicted defendant, in the second case – by the administration of a detention facility.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЛИЧНОГО ПОРУЧИТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

© 2018

А.В. Закомолдин, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Уголовное право и процесс», доцент кафедры «Уголовное право и процесс»,
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)
Филиал Самарской гуманитарной академии в г. Тольятти, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: меры пресечения; личное поручительство; подозреваемый (обвиняемый).

Аннотация: Данная научная статья посвящена актуальным проблемам применения личного поручительства в уголовном судопроизводстве в качестве меры пресечения. С учётом наличия закреплённой в уголовно-процессуальном законодательстве системы мер пресечения, представляется необходимым обеспечить нормативные, организационные и иные основы для применения каждой из существующих мер пресечения, сообразно конкретной ситуации по делу. Сформулировано понятие личного поручительства, как меры пресечения, а также высказаны суждения о толковании нормативного критерия, которому должно соответствовать лицо, вовлекаемое в процесс производства по уголовному делу в качестве поручителя. Отмечена неполнота закреплённых в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации требований, предъявляемых к поручителю, в число которых не включено требование достижения определённого возраста и дееспособности. На основе анализа существующих в науке точек зрения, относительно толкование положений УПК РФ, регламентирующих применение личного поручительства, сформулированы практические рекомендации, адресованные правоприменителю. В частности, предложены примерные (ориентировочные) критерии, которые целесообразно учесть соответствующему должностному лицу, уполномоченному применить данную меру пресечения, для формирования внутреннего убеждения в том, что претендент на роль поручителя по конкретному уголовному делу способен оказать необходимое морально-психологическое воздействие на подозреваемого (обвиняемого) и желает обеспечить его надлежащее поведение при производстве по делу.

Высказано предложение о внесении изменений в действующую редакцию ч. 1 ст. 103 УПК РФ в целях расширения практики применения личного поручительства в качестве меры пресечения при производстве по уголовным делам.

ВВЕДЕНИЕ

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [1] (УПК РФ), в целях обеспечения надлежащего поведения лица, на которое направлено уголовное преследование и достижения тем самым необходимых результатов при производстве по уголовным делам, нормативно регламентирует целостную систему мер пресечения, одной из которых является личное поручительство.

Каждая из мер пресечения, включённая законодателем в главу 13 УПК РФ, имеет свои специфические способы оказания на подозреваемого или обвиняемого сдерживающего воздействия, способного удержать его от нежелательных для государства действий и обеспечить надлежащее поведение данного лица при производстве по уголовному делу.

Данным положениям действующего УПК РФ традиционно уделялось внимание в рамках различных научно-практических комментариев разных лет [2–4], однако, ряд аспектов по-прежнему вызывает неоднозначное понимание.

Разноплановость оказываемого воздействия в рамках применения различных мер пресечения создаёт предпосылки того, что для любого лица, в зависимости от его индивидуальных особенностей и специфики уголовного дела, правоприменитель сможет подобрать меру пресечения, способную в данном конкретном случае возыметь желаемый результат. Тем не менее, ряд мер пресечения является слабо востребованным правоприменителем в силу неоднозначности положений закона, а также наличия иных процессуальных или организационных сложностей.

К числу таких мер, анализируемых в разное время рядом авторов [5–7], относится личное поручительство, несмотря на то, что данная мера пресечения не является новеллой и была предусмотрена ещё в УПК РСФСР [8] (ст. 94).

Цель исследования – выработка рекомендаций, ориентированных на правоприменителя и направленных на расширение практики применения личного поручительства в качестве меры пресечения при производстве по уголовным делам.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Личное поручительство – вторая по строгости мера пресечения, после подписки о невыезде и надлежащем поведении, упомянутая в перечне мер пресечения ст. 98 УПК РФ и отдельно регламентируемая в ст. 103 УПК РФ. Понятие личного поручительства, основываясь на достаточно краткой законодательной регламентации, можно сформулировать следующим образом: личное поручительство – это мера пресечения, избираемая дознавателем, следователем или судом в отношении подозреваемого или обвиняемого (а также с его согласия), по письменному ходатайству заслуживающего доверия физического лица (лиц), ручающегося (ручающихся) в том, что данный подозреваемый или обвиняемый, будет в назначенный срок являться по вызовам дознавателя, следователя и в суд, а также не будет каким-либо образом препятствовать производству по уголовному делу. То есть, надлежащее поведение подозреваемого или обвиняемого, в рамках применения данной меры пресечения, обеспечивается иным лицом, или лицами, которые «заслуживают доверия» – именно так

законодатель в ч. 1 ст. 103 УПК РФ характеризует единственное свойство поручителя, которому тот должен отвечать.

Одна из практических проблем применения рассматриваемой меры пресечения состоит в том, как толковать данный критерий и как определить, заслуживает ли лицо доверия, или нет? Представляется, что поручитель должен, с одной стороны, заслуживать доверия должностных лиц, уполномоченных применить данную меру пресечения, а с другой стороны – находиться в особом доверительных отношениях с подозреваемым (обвиняемым), на что, в частности, указывает возможность применения личного поручительства лишь с документально зафиксированного согласия последнего, полученного до применения рассматриваемой меры пресечения. Сходная точка зрения прослеживается в ряде научных публикаций [9–11].

Что касается доверия со стороны следователя, дознавателя или суда к потенциальному поручителю, то сформироваться оно может только на основе предварительного анализа данных о его кандидатуре. Как верно отмечается в научных публикациях, «процедуре применения личного поручительства предшествует подготовительный этап, в ходе которого органу расследования или суду необходимо оценить представленные, как правило, стороной защиты данные о личности возможного поручителя» [12, с. 11]. Залогом доверия к потенциальному поручителю должен стать комплекс сведений, включающих в себя данные о личностных характеристиках лица, его социальном статусе, трудовой деятельности и т. д.

Какие же именно сведения могут служить формированию уверенности в том, что данное лицо способно справиться со своей задачей и оказать такое воздействие на подозреваемого (обвиняемого), которое удержит его от нежелательных действий и будет способствовать достижению назначения уголовного судопроизводства?

Думается, что к числу таковых следует отнести:

- отсутствие судимости;
- отсутствие пагубных пристрастий (алкоголизм, наркомания, токсикомания и т. д.);
- наличие руководящей должности или занятие общественной, а равно иной социально-одобряемой деятельностью;
- наличие почётных званий, государственных наград, или общественных поощрений и т. д.

Что же касается критерия нахождения потенциального поручителя в особом доверительных отношениях с подозреваемым (обвиняемым), то свидетельствовать об этом могут следующие данные:

- нахождение в родственной или иной социальной связи с подозреваемым (обвиняемым) – например, поручитель может быть его отцом, дядей, тестем, другом семьи и т. д.;
- нахождение в руководящем положении, относительно подозреваемого (обвиняемого), основанном на трудовых или иных, построенных на авторитете отношениях – в частности, поручитель может быть работодателем подозреваемого (обвиняемого), или руководителем подразделения, в котором тот работает; поручитель может быть преподавателем высшего учебного заведения, в котором обучается лицо, к которому применяется рассматриваемая мера пресечения и т. д.

В силу имеющихся доверительных отношений, сдерживающим фактором, позволяющим рассчитывать на надлежащее поведение подозреваемого (обвиняемого) должно стать его нежелание «подвести» поручителя, подорвать доверие к себе. Важно заметить, что нецелесообразно наделять статусом поручителя лица, находящегося в зависимости от подозреваемого (обвиняемого) – данный аспект может с высокой вероятностью препятствовать реализации анализируемой меры пресечения.

Следует поддержать тех авторов [13], которые указывают на наличие ещё, как минимум, двух необходимых критериев, которым должен соответствовать поручитель, а именно: совершеннолетний возраст и дееспособность. Не вызывает сомнений, что поручителем может быть лишь заслуживающее доверия дееспособное физическое лицо, достигшее возраста совершеннолетия, что представляется целесообразным включить в текст ст. 103 УПК РФ. Для оказания необходимого психологического воздействия на поведение подозреваемого (обвиняемого), может быть весьма желательным наделять статусом поручителя лица, чей возраст старше, чем возраст того, в отношении кого применяется рассматриваемая мера пресечения. Эта рекомендация не претендует стать аксиомой, поскольку поручитель, являющийся руководителем подозреваемого (обвиняемого) по месту работы последнего, обладающий необходимыми психологическими качествами, свойственными лидеру, даже будучи младше по возрасту, может справиться со своей задачей не хуже, чем лицо, старше по возрасту, чем подозреваемый (обвиняемый).

Таким образом, резюмируя сказанное, отметим, что главным при оценке кандидатуры потенциального поручителя будет являться формирование уверенности у соответствующего должностного лица в том, что данное лицо способно оказать необходимое морально-психологическое воздействие на подозреваемого (обвиняемого) и желает обеспечить его надлежащее поведение при производстве по делу.

Добровольность такого намерения со стороны поручителя следует из самой природы поручительства, а также нормативной обязанности субъекта, применяющего данную меру пресечения разъяснить существо подозрения или обвинения, а также обязанности и ответственность поручителя, связанные с выполнением личного поручительства, на что указывается в ряде научных публикаций [14–16]. Относительно ответственности поручителя, вряд ли можно в полной мере согласиться с утверждением о том, что обязанностью поручителя является уплата обозначенной в УПК РФ суммы в случае ненадлежащего поведения подозреваемого или обвиняемого, о чём пишет А.А. Чуниха [17]. В ч. 4 ст. 103 УПК РФ законодатель говорит о том, что на поручителя «может быть наложено денежное взыскание в размере до десяти тысяч рублей», что говорит о праве, а не обязанности соответствующего субъекта наложить данное взыскание. Аналогичным образом сформулирована соответствующая норма в УПК Республики Казахстан, на что указывается специалистами [18].

Некоторые авторы, однако, полагают, что «доводы поручителя о том, что он добросовестно выполнял свои обязанности, но, несмотря на это, не смог предотвратить нежелательное поведение обвиняемого (подозреваемого),

не освобождают его от ответственности» [19]. Тем не менее, представляется, что в зависимости от специфики нарушения и подтверждения ответственного и добросовестного отношения поручителя к своей обязанности, денежное взыскание на него может и не налагаться.

Хочется заметить, что отсутствие нормативного закрепления способов осуществления со стороны поручителя сдерживающего воздействия на то лицо, к которому применена рассматриваемая мера пресечения, вполне оправдано, поскольку выбор таких средств и способов сугубо индивидуален и основан на специфике межличностных отношений, сложившихся между этими лицами. Попытка регламентации данного вопроса может принести больше вреда, чем пользы. Следует согласиться с высказываемыми в публикациях точками зрения о том, что к числу таких способов воздействия можно отнести «убеждение, разъяснение, нравственно-психологическое воздействие» [20], а формами активного влияния на поведение лица могут стать «проведение бесед, оказывающих на подозреваемого (обвиняемого) положительное воспитательное воздействие, помощь в разрешении социально-бытовых проблем» [12, с. 12].

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Представляется, что анализируемая мера пресечения имеет свой потенциал, который не следует игнорировать правоприменителю.

В целях совершенствования нормативной регламентации личного поручительства, целесообразно включить в текст ч. 1 ст. 103 УПК РФ указание на дополнительные критерии, которым должен соответствовать поручитель, а именно: совершеннолетний возраст и дееспособность. Таким образом, формулировка ч. 1 ст. 103 УПК РФ может выглядеть следующим образом: «Личное поручительство состоит в письменном обязательстве заслуживающего доверия совершеннолетнего, дееспособного лица о том, что оно ручается за выполнение подозреваемым или обвиняемым обязательств, предусмотренных пунктами 2 и 3 статьи 102 настоящего Кодекса».

С учётом того, что данная мера пресечения является достаточно мягкой, будучи не связанной с применением физических ограничений, её применение – благо для стороны защиты. В этой связи, в тех случаях, когда соответствующие должностные лица не склонны (или не могут) применить подписку о невыезде и надлежащем поведении в качестве меры пресечения, именно стороне защиты целесообразно проявить необходимую активность в подборе кандидатуры поручителя и сборе необходимых данных о том, в силу чего именно это лицо способно выступить гарантом того, что подозреваемый (обвиняемый) будет исполнять свои процессуальные обязанности. В этом случае можно рассчитывать на то, что практика применения личного поручительства будет расширяться, а не останется невостребованной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52-1. Ст. 4921.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1-32.1. Постатейный научно-практический комментарий / отв. ред. Л.А. Воскобитова. М.: Редакция «Российской газеты», 2015. Вып. III-IV. 912 с.
3. Безлепкии Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: Проспект, 2012. 752 с.
4. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: ИНФРА-М, 2014. 1056 с.
5. Еникеев З.Д. Применение мер пресечения по уголовным делам (в стадии предварительного расследования). Уфа: Башк. ун-т, 1988. 84 с.
6. Васильева Е.Г. Меры уголовно-процессуального принуждения. Уфа: БашГУ, 2003. 136 с.
7. Белкин А.Р. «Менее строгие» меры пресечения в уголовном процессе России // Уголовное судопроизводство. 2012. № 3. С. 22–26.
8. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592. (Акт утратил силу)
9. Медведева О.В. Залог и поручительство в системе мер уголовно-процессуального принуждения по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1998. 219 с.
10. Кчаева Н.В. Теория и практика мер пресечения, не связанных с заключением под стражу: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003. 248 с.
11. Капинус Н.И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе. М.: Буквевед, 2007. 416 с.
12. Баландюк О.В. О правовом положении личного поручителя в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2014. № 13. С. 11–14.
13. Данилова С.И. Избрание, отмена или изменение меры пресечения в виде личного поручительства в ходе предварительного расследования // Консультант Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=60311#043143403469196695.
14. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.Я. Сухарева. М.: НОРМА, 2004. 1104 с.
15. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.И. Радченко, В.Т. Томина, М.П. Полякова. М.: Юрайт-Издат, 2006. 1124 с.
16. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: Проспект, 2009. 992 с.
17. Чуниха А.А. Поручительство в системе мер процессуального принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2009. 22 с.
18. Касимов А.А. Меры пресечения в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан // Журнал российского права. 2012. № 10. С. 90–98.
19. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. И.Л. Петрухин. М.: Велби, 2008. 736 с.
20. Михайлов В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М.: Право и Закон, 1996. 304 с.

REFERENCES

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated the 18th of December 2001 No.174-FZ. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2001, no. 52-I, st. 4921.
2. Voskobitova L.A., ed. *Ugolovno-protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Glavy 1-32.1. Postateynny nauchno-prakticheskiy kommentariy* [Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Chapters 1-32.1. Paragraph-by-paragraph scientific practical commentaries]. Moscow, Redaktsiya "Rossiyskoy gazety" Publ., 2015. Vyp. III-IV, 912 p.
3. Bezlepkin B.T. *Kommentariy k Ugolovno-protsessualnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynny)* [Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (paragraph-by-paragraph)]. Moscow, Prospekt Publ., 2012. 752 p.
4. Lebedev V.M., ed. *Nauchno-prakticheskiy kommentariy k Ugolovno-protsessualnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynny)* [Scientific practical commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (paragraph-by-paragraph)]. Moscow, IN-FRA-M Publ., 2014. 1056 p.
5. Enikeev Z.D. *Primenenie mer presecheniya po ugolovnym delam (v stadii predvaritelnogo rassledovaniya)* [The application of the preventive measures with regard to the criminal cases (at the preliminary investigation stage)]. Ufa, Bashk. un-t Publ., 1988. 84 p.
6. Vasileva E.G. *Mery ugolovno-protsessualnogo prinuzhdeniya* [Measures of criminal procedure compulsion]. Ufa, BashGU Publ., 2003. 136 p.
7. Belkin A.R. "Less severe" preventive measures in the criminal process of Russia. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*, 2012, no. 3, pp. 22–26.
8. Criminal Procedure Code of the RSFSR: app. by the SS of the RSFSR on the 27th of October 1960. *Vedomosti VS RSFSR*, 1960, no. 40, st. 592. (Akt utratil silu)
9. Medvedeva O.V. *Zalog i poruchitelstvo v sisteme mer ugolovno-protsessualnogo prinuzhdeniya po zakonodatelstvu Rossiyskoy Federatsii*. Dis. kand. jurid. nauk [A bail and a suretyship in the system of measures of criminal procedure compulsion according to the legislation of the Russian Federation]. Volgograd, 1998. 219 p.
10. Tkacheva N.V. *Teoriya i praktika mer presecheniya, ne svyazannykh s zaklyucheniem pod strazhu*. Dis. kand. jurid. nauk [Theory and practice of application of restriction measures not involving imprisonment]. Che-lyabinsk, 2003. 248 p.
11. Kapinus N.I. *Protsessualnye garantii prav lichnosti pri primenenii mer presecheniya v ugolovnom protsesse* [Procedural guarantees of personal rights when applying preventive measures in criminal procedure]. Moscow, Bukvoved Publ., 2007. 416 p.
12. Balandyuk O.V. Concerning the legal status of a personal guarantor in the criminal procedure. *Rossiyskiy sledovatel*, 2014, no. 13, pp. 11–14.
13. Danilova S.I. Applying, vacating and variation of a preventive measure in the form of a personal suretyship in the course of preliminary investigation. *Konsultant Plyus: spravochno-pravovaya sistema*. URL: consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=60311#043143403469196695.
14. Sukhareva A.Ya., ed. *Kommentariy k Ugolovno-protsessualnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynny)* [Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (paragraph-by-paragraph)]. Moscow, NORMA Publ., 2004. 1104 p.
15. Radchenko V.I., Tomina V.T., Polyakova M.P., eds. *Kommentariy k Ugolovno-protsessualnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynny)* [Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (paragraph-by-paragraph)]. Moscow, Yurayt-Izdat Publ., 2006. 1124 p.
16. Smirnov A.V., Kalinovskiy K.B. *Kommentariy k Ugolovno-protsessualnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynny)* [Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (paragraph-by-paragraph)]. Moscow, Prospekt Publ., 2009. 992 p.
17. Chunikha A.A. *Poruchitelstvo v sisteme mer protsessualnogo prinuzhdeniya*. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Suretyship in the system of measures of procedural compulsion]. Stavropol, 2009. 22 p.
18. Kasimov A.A. Preventive measures in the criminal procedure legislation of the Republic of Kazakhstan. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2012, no. 10, pp. 90–98.
19. Petrukhin I.L., ed. *Kommentariy k Ugolovno-protsessualnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynny)* [Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (paragraph-by-paragraph)]. Moscow, Velbi Publ., 2008. 736 p.
20. Mikhaylov V.A. *Mery presecheniya v rossiyskom ugolovnom protsesse* [Preventive measures in the Russian criminal procedure]. Moscow, Pravo i zakon Publ., 1996. 304 p.

**THE PROBLEMS OF APPLICATION OF A PERSONAL SURETYSHIP
IN THE CRIMINAL PROCEDURE OF RUSSIA**

© 2018

A. V. Zakomoldin, PhD (Law), Associate Professor,
assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”, assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)
Samara Academy of Humanities (branch in Togliatti), Togliatti (Russia)

Keywords: preventive measures; personal suretyship; suspected offender (defendant).

Abstract: This research paper covers the contemporary problems of application of a personal suretyship as a preventive measure in criminal procedure. Taking into account the preventive measures system embodied in the criminal procedure legislation, it is necessary to ensure legal, organizational and other frameworks to apply each of the existing preventive measures according to the specific situation with regard to a case. The author formulated the notion of a personal suretyship as a preventive measure and expressed the opinions about the explanation of a regulatory benchmark to which a person involved in the criminal proceedings as a guarantor should conform. The author notes the imperfection of the requirements applicable to a guarantor and embodied in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, among which there is no a requirement for arriving a certain age and ability to act. Based on the analysis of the existing points of view regarding the explanation of the provisions of the Criminal Procedure Code of the RF regulating the application of a personal suretyship, the practical recommendations addressed to an executor of law are formulated. In particular, the author offers the approximate (preliminary) criteria that should be considered by a person in charge authorized to apply this preventive measure in order to form the internal conviction that a claimant for the role of a guarantor with regard to a certain criminal case will be able to make moral and psychological impact on a suspected offender (defendant) and wants to ensure his/her good behavior during the proceedings.

The author expresses an offer to make amendments to the current edition of part 1 of the article 103 of the RF Criminal Procedure Code in order to expand the practice of application of a personal suretyship as a preventive measure during the criminal proceedings.

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ИНСТИТУТА НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ**

© 2018

А.И. Ивенский, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры организации борьбы с экономическими преступлениями

К.И. Капитанов, студент Института права
Самарский государственный экономический университет, Самара (Россия)

К.А. Забурдаева, преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс»
Л.В. Макаров, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; следственные действия; подследственность.

Аннотация: Юрико-технические изъяны регламентации первоначального этапа предварительного расследования, в частности, института неотложных следственных действий, обуславливают противоречия в правоприменительной практике, возникающие на начальном этапе производства органами дознания и следователями предварительного расследования по уголовным делам, не отнесённым к их компетенции.

Алгоритм действий, требующий значительных затрат времени, связанных с физической пересылкой материалов по подследственности, особенно в случаях использования средств почтовой связи, может приводить к утрате доказательств, сложностям в установлении лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности, их местонахождения, а также к иным проблемам, затрудняющим дальнейшее расследование, иногда даже исключаящим его успешное завершение.

Институт неотложных следственных действий регламентируется целым рядом норм уголовно-процессуального законодательства, довольно бессистемно разнесённых по разным главам, разделам и даже частям УПК РФ, существуют проблемы в регламентации процессуального порядка производства неотложных следственных действий при проверке сообщения о преступлении.

Ряд проблем надлежащего нормативного регулирования института неотложных следственных действий связан, в частности, с тем, что законодатель, формулируя соответствующие нормы, указывает, в основном, только на то, что их производством занимаются органы дознания, в связи с чем возникает мнение о невозможности производства неотложных следственных действий в ситуации, когда преступление, ему не подследственное, выявляет, например, следователь, а также тем, что при формировании понятия «неотложные следственные действия» законодателем не уделено внимание таким процессуальным действиям, в производстве которых возникает острая необходимость на первоначальном этапе расследования, например, задержание подозреваемого.

В этой связи обосновываются предложения о внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс России, направленных на устранение существующих противоречий и неясностей в регулировании института неотложных следственных действий.

ВВЕДЕНИЕ

Совокупность норм о неотложных следственных действиях в российском уголовно-процессуальном законодательстве имеет правовую историю. Его истоки можно обнаружить еще в Русской правде: «гонение следа», отыскивание преступника по горячим следам [1]. Указанный институт приобретает особую важность, когда социально-экономические условия в России диктуют необходимость реформирования правоохранительных органов [2].

На современном этапе процессуального развития в качестве приоритетных направлений политики Российской Федерации на длительную перспективу выделены усиление роли государства в качестве основного гаранта прав личности, совершенствование правового регулирования предупреждения и борьбы с преступностью, предусматривающее повышение качества и эффективности предварительного следствия и дознания [3]. Институт неотложных следственных действий регламентируется рядом норм УПК, довольно бессистемно разнесённых по разным главам, разделам и даже частям кодекса. Полагаем, что результатом подготовки различных глав УПК РФ разными разработчиками является масса несогласованностей, проявляющихся, в том числе, в регламентации неотложных следственных действий.

Однако содержащиеся в действующей редакции Уголовно-процессуального кодекса России изъяны регламентации института неотложных следственных действий обуславливают серьёзные противоречия в правоприменительной практике, возникающие на начальном этапе производства органами дознания и следователями предварительного расследования по уголовным делам, не отнесённым к их компетенции в соответствии с правилами подследственности.

Как справедливо замечено, некоторые законодательные положения, регламентирующие процедуру осуществления неотложных следственных действий, не взаимосвязаны, что препятствует их единообразному толкованию и применению [4], имеются проблемы в регламентации процессуального порядка производства первоначальных следственных действий при проверке сообщения о преступлении [5], налицо терминологическая путаница [6]. Разумеется, не следует забывать, что от оперативности действий органа дознания в той или иной неотложной ситуации, зависит успех расследования многих преступлений [7]. Согласимся с мнением о том, что неотложные следственные действия ассоциируются с первоначальными, независимо от того, кто их проводит и по какой категории дел [8]. При этом и первоначальные действия следователя, дознавателя

в сочетании с правильным направлением расследования зачастую играют решающую роль в раскрытии преступлений [9].

В существующей редакции УПК РФ отсутствует перечень процессуальных действий, которые являются считать неотложными, предлагая это исключительно на усмотрение правоприменителя, в отличие от УПК РСФСР 1960 года, где содержался их исчерпывающий перечень: осмотр, освидетельствование, обыск, выемка, допрос подозреваемого и его задержание, допрос потерпевших и свидетелей [10; 11]. Производство того или иного следственного действия в качестве неотложного определяется исходя из обстоятельств дела [12]. Законодатель лишь увязал определение неотложности с некоторыми процессуальными категориями, например, случаями, не терпящими отлагательства (ч. 1 ст. 179 УПК РФ) и определил в законе срок действия неотложности – 10 суток (ч. 3 ст. 157 УПК РФ) [13]. Разумеется, что проведение исследуемых действий допускается только при наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия является обязательным [14].

Действующий закон отказался от прежнего видения неотложных следственных действий, отнес их к общим условиям предварительного расследования, что не только не устранило имеющихся противоречий, но и добавило новых проблем в практику их применения [15]. Масса недостатков, проявляющихся в регламентации неотложных следственных действий, по нашему мнению, является следствием несогласованности действий разработчиков УПК РФ. Поэтому следственная практика вынуждена формировать свои подходы к данной проблеме.

По общему правилу, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ, уполномоченное лицо (орган) после рассмотрения сообщения о преступлении, ему не подследственном, обязано передать соответствующий материал согласно правилам определения подследственности. Данная процедура может требовать значительных затрат времени в связи с физической пересылкой материалов, что приводит к утрате доказательств, нарушению разумного срока уголовного судопроизводства. Необходимо учитывать, что неотложные следственные действия реализуются в условиях экстренной следственной ситуации, под которой понимается обнаружение обстоятельств, явно указывающих на наличие признаков преступления, дающих основания полагать, что промедление с совершением необходимых действий может повлечь за собой утрату следов преступления, возможности закрепления доказательств, сокрытие лиц, совершивших преступление, утрату возможности возмещения ущерба, причиненного преступлением [16]. Следует согласиться с мнением А.И. Гришина, что предварительное следствие всегда начинается следователем с производства следственных действий, имеющих неотложный характер [17]. Вместе с тем, памятуя о «бритве Оккама», отметим, что в данном контексте уместнее использовать какой-либо синоним, например, «срочные», «безотлагательные» и т. п., поскольку законодатель использует определение «неотложные» именно в отношении следственных действий, являющихся предметом настоящего исследования.

Существующая дефиниция п. 19 ст. 5 УПК РФ, по нашему мнению, является неудовлетворительной по

нескольким причинам, прежде всего, в силу несогласованности с иными нормами, регламентирующими производство неотложных следственных действий.

Так, УПК РФ определил перечень субъектов, уполномоченных законодателем на производство неотложных следственных действий, а также порядок и условия их производства. В ч. 2 ст. 157 УПК РФ установлены (применяя по аналогии терминологию ст. 151 УПК РФ) правила «подследственности» для неотложных следственных действий, включающие в себя перечень субъектов, уполномоченных на проведение неотложных следственных действий, в том числе, путем использования отсылочной нормы, иных должностных лиц, имеющих полномочия органов дознания согласно статье 40 УПК РФ; указание на то, по каким делам данные органы имеют право проводить неотложные следственные действия. В п. 6 ч. 2 ст. 157 УПК РФ содержится бланкетная норма в виде отсылки к ст. 40 УПК РФ, не содержащая ограничений органов по компетенции. При этом, полномочиями органа дознания наделяются должностные лица, которые профессиональными юристами могут не быть, например, капитаны морских, речных судов, находящихся в дальнем плавании. Указанные неограниченные полномочия по возбуждению уголовных дел о любых преступлениях, предоставленные лицам, как правило, не являющимся юристами, представляется как минимум непоследовательным, хотя и оправданным с практической точки зрения.

Цель работы – попытка разрешения представляющихся наиболее актуальными проблем, порождаемых несогласованностями и противоречиями действующего законодательного регулирования института неотложных следственных действий.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Подлежащая скорейшему разрешению проблема надлежащего нормативного регулирования института неотложных следственных действий связана с тем, что законодатель, формулируя нормы данного института, указывает, в основном, только на то, что их производством занимаются органы дознания, в связи с чем у правоприменителей возникает ошибочное мнение о невозможности производства неотложных следственных действий в ситуации, когда преступление, ему не подследственное, выявляет следователь. Однако доктрина и правоприменительная практика сходятся во мнении, что производством неотложных следственных действий могут (и должны) заниматься в равной степени органы дознания и органы предварительного следствия, обнаружившие признаки преступления, которое в соответствии со ст. 151 УПК РФ им не подследственно [18]. Обратное привело бы к искажению назначению уголовного судопроизводства, содержанием которого охватывается защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений [19], а равно к нарушению принципа разумного срока уголовного судопроизводства – ст.ст. 6, 6.1 УПК РФ.

Для устранения противоречий и неясностей, допущенных законодателем при формулировании норм УПК РФ, посвященных институту неотложных следственных действий, представляется целесообразным внести изменения, прямо устанавливающие право органов предварительного следствия на производство неотложных

следственных действий, прежде всего, изменив редакцию п. 19 ст. 5 УПК РФ.

При формировании понятия «неотложные следственные действия» законодателем не уделено внимание таким процессуальным действиям, в производстве которых возникает острая необходимость на первоначальном этапе расследования, например, задержание подозреваемого. Кроме того, как справедливо отмечает В.Ю. Стельмах, легальное определение данного понятия характеризует компетенцию органа дознания по возбуждению и кратковременному расследованию в определённых случаях уголовных дел, по которым обязательно предварительное следствие, но не указывает на аналогичную компетенцию органов предварительного следствия [20]. Дополним, что легальная дефиниция неотложных следственных действий также не предусматривает встречающиеся в практике следующие случаи возбуждения уголовных дел «чужой» подследственности: органом дознания – подследственных другому органу дознания в соответствии с ч. 3 ст. 151 УПК РФ; следователем – подследственных другому органу предварительного следствия в соответствии с ч. 2 ст. 151 УПК РФ либо органам дознания в соответствии с ч. 3 ст. 150, ч. 3 ст. 151 УПК РФ.

Другая проблема законодательного регулирования неотложных следственных действий заключается в отсутствии определённости субъекта, в компетенцию которого входит направление уголовного дела по подследственности. Указанная ситуация обусловлена несогласованностью ряда норм УПК РФ, регулирующих данный вопрос. Так, положения п. 3 ст. 149, ч. 3 ст. 157 УПК РФ вменяют в обязанность органу дознания после производства неотложных следственных действий передать уголовное дело руководителю следственного органа, а ч. 5 ст. 152 УПК РФ – прокурору. Диссонанс указанных норм создаёт неясность относительно субъекта процессуальной деятельности, которому должно быть передано уголовное дело. Это, в свою очередь, может порождать такие негативные последствия, как возникновение между органами предварительного расследования споров о подследственности, неоправданное затягивание сроков расследования уголовного дела, то есть к нарушению принципа разумного срока уголовного судопроизводства.

Указанные нормы представляются немотивированными и непоследовательными по следующим соображениям: организационно орган дознания и руководитель следственного органа (который может принадлежать другому ведомству) никак не связаны, между ними нет отношений подчинённости. Орган дознания и руководитель следственного органа не связаны и с процессуальной точки зрения. Кроме того, неясно, из каких соображений законодатель возлагает именно на орган дознания обязанность самостоятельного установления подследственности уголовного дела о преступлении, заведомо находящемся за пределами компетенции органа дознания. Законодатель, по сути, наделяет орган дознания не только обязанностью, но и правом определения такой подследственности, то есть предоставляет ему некоторую директивную процессуальную роль по отношению к руководителю следственного органа. По нашему мнению, право и обязанность определения подследственности и направления дела соответствующему

органу предварительного расследования должно быть унифицировано и предоставлено участнику уголовного судопроизводства, который организационно не связан ни с органами дознаниями, ни с органами предварительного следствия и наделён надзорными полномочиями по отношению к тем и другим. Представляется целесообразным возложить на органы предварительного расследования обязанность во всех случаях после осуществления неотложных следственных действий направить прокурору уголовное дело.

В подтверждение целесообразности внесения таких изменений в уголовно-процессуальное законодательство можно привести следующие аргументы. Руководитель следственного органа не наделён полномочием направления по подследственности в другой орган предварительного расследования уголовного дела, по которому органом дознания, дознавателем, следователем уже проведены неотложные следственные действия. В то же время прокурор, согласно п.п. 11, 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, располагает правами: изымать любое уголовное дело у органа дознания и передавать его следователю, передать уголовное дело, материалы проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому (за исключением подобной передачи в системе одного органа), изымать любое уголовное дело или материал проверки сообщения о преступлении у любого органа предварительного расследования с последующей передачей следователю Следственного комитета России. Прокурор также вправе определять подследственность уголовного дела, что вытекает из системного толкования норм ч. 3 ст. 146, ч. 7 ст. 151 и ч. 5 ст. 152 УПК РФ; разрешать споры о подследственности уголовного дела в соответствии с ч. 8 ст. 151 УПК РФ. Аналогичные правовые позиции высказаны в Определении Конституционного Суда РФ от 15.04.2008 №301-О - О.

Всё вышесказанное подтверждает вывод о наличии именно у прокурора полномочий по передаче уголовного дела или материала проверки сообщения о преступлении между органами предварительного расследования. Это позволяет прокурору своевременно проверять законность, обоснованность возбуждения уголовного дела, производства неотложных следственных действий, а также передачи дела или материалов в конкретный орган предварительного расследования. Прокурор, являясь формально незаинтересованным в результатах предварительного расследования и не зависящим от служебных показателей органов предварительного расследования, по своему процессуальному статусу способен максимально объективно оценить подследственность конкретного уголовного дела и принять законное и обоснованное решение о направлении уголовного дела по подследственности. По мнению В.А. Рязанцева, с учётом полномочий прокурора по разрешению споров о подследственности, закреплённых в ч. 8 ст. 151 УПК РФ и порядка определения подследственности, установленного ч. 5 ст. 152 УПК РФ, передачу уголовных дел и материалов проверки сообщений о преступлениях из органа дознания в орган предварительного следствия целесообразно производить через прокурора [19, с. 19]. Данное суждение, однако, необходимо принимать критически. Выражение о направлении «через прокурора» не отражает самостоятельную роль и полномочия этого

участника процесса. Орган предварительного расследования, направляя уголовное дело прокурору, не располагает полномочиями давать прокурору указания о направлении уголовного дела по подследственности. Право и обязанность прокурора в этом случае – самостоятельно правильно установить подследственность и принять собственное независимое процессуальное решение о направлении уголовного дела в соответствующий орган предварительного расследования. Прокурору для определения подследственности необходимо направлять любой материал или уголовное дело, возбужденное органом предварительного расследования с нарушением правил подследственности, то есть, от органа предварительного следствия в орган дознания; между органами дознания; между органами предварительного следствия.

Все перечисленные случаи возбуждения уголовных дел с нарушением правил подследственности возможны в практике. Следовательно, прокурору должны быть предоставлены полномочия по восстановлению ординарного порядка предварительного расследования путем направления уголовных дел по подследственности после выполнения неотложных следственных действий.

Существующая редакция п.п. 2,3 ст. 149 УПК РФ не учитывает правила подследственности, установленные для органов дознания ч. 3 ст. 151 УПК РФ, что порождает следующие вопросы.

По «букве закона» следователь или орган дознания, возбудившие уголовное дело, не подследственное им в соответствии с ч.ч. 2 и 3 ст. 151 УПК РФ, фактически обязаны расследовать его в полном объеме. В этой связи представляется, что специальные нормы ст. 151 УПК РФ, регламентирующие ведомственную подследственность, должны иметь приоритет перед общими нормами (ст. 149 УПК РФ). Если орган дознания уполномочен проводить дознание в полном объеме, такие следственные действия, независимо от их срочности, не являются неотложными, дознание должно проводиться в ординарном порядке. Положения ст. 149 УПК РФ при вступлении в противоречие с нормами ст. 151 УПК РФ влекут производство дознания либо предварительного следствия неуполномоченным органом, что является основанием для признания добытых доказательств недопустимыми в соответствии с ч. 1 ст. 75 УПК РФ как полученных с нарушением требований закона.

Предполагаем, что важно дифференцировать порядок направления уголовного дела после производства неотложных следственных действий и ординарный порядок расследования, когда уголовное дело возбуждено органом, уполномоченным на его предварительное расследование, и поэтому никуда не направляется, а просто расследуется тем же органом. Кроме того, ст. 149 УПК РФ не содержит указаний на производство «обычного дознания», потому полагаем необходимым ввести для органа дознания, возбудившего уголовное дело, так сказать, «своей подследственности», положение об обязательности проведения дознания. Требование ст. 150 УПК РФ является необоснованным с точки зрения законодательной техники, так как правила подследственности установлены не только ст. 150 УПК РФ, но также и даже в большей части ст. 151 УПК РФ. Важно учитывать и правила территориальной подследственности, установленные ст. 152 УПК РФ, а также возможные изменения подследственности, вытекающие из норм

о соединении уголовных дел, выделении уголовных дел и материалов, установленные положениями ст. ст. 152–155 УПК РФ.

Считаем, что данный комплекс норм для установления подследственности должен быть обозначен как «правила подследственности», установленные УПК РФ.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В целях решения указанных проблем производства неотложных следственных действий, унификации алгоритма направления уголовного дела, в том числе направления его по подследственности после проведения неотложных следственных действий, предлагаем:

– изложить п. 19 ст. 5 УПК РФ в следующей редакции: «Неотложные следственные действия – следственные действия, осуществляемые уполномоченными УПК РФ органами дознания и предварительного следствия в досудебном производстве по уголовным делам, не отнесенным к их компетенции в соответствии с правилами подследственности, установленными настоящим Кодексом, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования, а также принятия незамедлительных мер для установления лиц, совершивших преступление»;

– изложить п. 3 ст. 149 УПК РФ в новой редакции: «дознатель приступает к производству дознания»;

– дополнить ст. 149 УПК РФ пунктом четвертым следующего содержания: «следователь, орган дознания производит неотложные следственные действия в соответствии с ч. 1 ст. 157 настоящего Кодекса, после чего направляет уголовное дело прокурору для направления уголовного дела в соответствии с правилами подследственности, установленными настоящим Кодексом»;

– изложить ч. 5 ст. 152 УПК РФ в редакции: «Следователь, дознаватель, установив, что уголовное дело ему не подследственно, производит неотложные следственные действия, после чего передает уголовное дело прокурору для направления по подследственности»;

– изложить ч. 1 ст. 157 в редакции: «Дознаватель, следователь при обнаружении признаков преступления, на предварительное расследование которого в соответствии с правилами подследственности, установленными настоящим Кодексом, он не уполномочен, вправе возбудить уголовное дело в порядке, установленном статьей 146 настоящего Кодекса, и произвести по нему неотложные следственные действия»;

– уточнить перечень субъектов, уполномоченных на производство неотложных следственных действий, путем введения в ч. 2 ст. 157 УПК РФ п. 7 следующего содержания: «органы предварительного следствия, перечисленные в ч. 2 ст. 151 настоящего Кодекса»;

– изложить ч. 3 ст. 157 УПК РФ в другой редакции, а именно: «После производства неотложных следственных действий и не позднее 10 суток со дня возбуждения уголовного дела следователь, орган дознания направляет уголовное дело прокурору для передачи по подследственности».

Представляется, что предлагаемые изменения позволят устранить отмеченные нами противоречия и неясности в регулировании института неотложных следственных действий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Правда Русская. Т. 1. Тексты / под ред. Б.Д. Греков. М.: АН СССР, 1940. 505 с.
2. Берзинь О.А., Узгорская И.А. К вопросу об определении и законодательном закреплении неотложных следственных действий // Общество и право. 2017. № 1. С. 92–95.
3. Сватиков Р.В. Законодательная модель производства органом дознания неотложных следственных действий // Труды академии управления МВД России. 2016. № 4. С. 113–115.
4. Александрова О.П. Институт неотложных следственных действий в уголовном судопроизводстве России // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Экономика, право, управление. 2016. № 3. С. 141–149.
5. Мамошин М.А. О некоторых проблемах производства отдельных неотложных следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела // Новая наука: опыт, инновации, традиции. 2017. № 1-3. С. 210–215.
6. Внуков А.В. Понятие неотложных следственных действий в современном уголовном процессе // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 9. С. 107–110.
7. Огрызков А.В. Понятие и классификация неотложных следственных действий в уголовном процессе // Правовое регулирование современного общества: теория, методология, практика: материалы II Международной научно-практической конференции: сборник статей. Воронеж: Воронежский экономико-правовой институт, 2017. С. 395–400.
8. Пивоварова А.В., Странилова Т.П. Проблемы правовой регламентации неотложных следственных действий // Актуальные проблемы государственного развития России: сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции. Чита: Забайкальский государственный университет, 2017. С. 118–122.
9. Анисимов Е.Б. К вопросу о первоначальных и неотложных следственных действиях при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2008. № 1. С. 212–214.
10. Плеснева Л.П., Унжакова С.В. Понятие неотложных следственных действий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД Российской Федерации. 2015. № 4. С. 18–22.
11. Фомин С.А. Актуальные проблемы производства неотложных следственных действий // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Краснодар: Просвещение-Юг, 2016. С. 236–240.
12. Ибатуллин Р.Р. Соблюдение и обеспечение прав и законных интересов личности при производстве неотложных следственных действий в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительная система России: проблемы и перспективы: материалы Международной научной конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов. Самара: СЮИ ФСИН, 2015. С. 98–101.
13. Беляков А.В., Грязева Н.В. Некоторые проблемы производства неотложных следственных действий при расследовании побегов из исправительных учреждений // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 1. С. 35–37.
14. Кныш С.В., Старицына С.Д. Проведение неотложных следственных действий по уголовным делам, отнесенным к компетенции таможенных органов // Научный альманах. 2015. № 12-1. С. 208–211.
15. Ретюнских И.А., Журавлева Н.М. О признаках института неотложных следственных действий // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 4. С. 63–65.
16. Васильев О.Л., Головкин Л.В. Неотложные следственные действия // Курс уголовного процесса. 2 изд., испр. М.: Статут, 2017. С. 670–672.
17. Гришин А.И. К проблеме неотложных следственных действий в уголовном судопроизводстве // 100-летие юридического образования в Саратовской области: материалы Международной научно-практической конференции в рамках Международного научного симпозиума, посвященного 100-летию гуманитарного образования в СГУ. Саратов: Саратовский источник, 2018. С. 42–45.
18. Кардашевская М.В. О внесении изменений в понятие «неотложные следственные действия» // Российский следователь. 2012. № 13. С. 6–7.
19. Рязанцев В.А. Некоторые проблемы передачи уголовных дел и материалов от органа дознания в орган предварительного следствия // Российский следователь. 2017. № 9. С. 17–19.
20. Стельмах В.Ю. Понятие и отличительные признаки следственных действий // Российский юридический журнал. 2014. № 2. С. 88–97.

REFERENCES

1. Grekov B.D., ed. *Pravda Russkaya. Teksty* [True Russian. Texts]. Moscow, AN SSSR Publ., 1940. Vol. 1, 505 p.
2. Berzin O.A., Uzgorskaya I.A. To the question of the definition and institutionalization of urgent investigative actions. *Obshchestvo i pravo*, 2017, no. 1, pp. 92–95.
3. Svatikov R.V. Legal Pattern of Immediate Investigation Steps Supposed to Be Taken by Interrogators. *Trudy akademii upravleniya MVD Rossii*, 2016, no. 4, pp. 113–115.
4. Aleksandrova O.P. Institute of urgent investigative actions in the criminal trial of Russia. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika, pravo, upravlenie*, 2016, no. 3, pp. 141–149.
5. Mamoshin M.A. About some issues of conducting certain urgent investigative actions at the stage of initiation of a criminal case. *Novaya nauka: opyt, innovatsii, traditsii*, 2017, no. 1-3, pp. 210–215.
6. Vnukov A.V. The concept of urgent investigative actions in modern criminal proceedings. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost*, 2013, no. 9, pp. 107–110.
7. Ogryzkov A.V. The notion and classification of the urgent investigative actions in criminal procedure. *Pravovoe regulirovanie sovremennogo obshchestva: teoriya, metodologiya, praktika: materialy II Mezh-dunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: sbornik statey*. Voronezh, Voronezhskiy ekonomiko-pravovoy institut Publ., 2017, pp. 395–400.

8. Pivovarova A.V., Stranilova T.P. The problem of legal regulation of urgent investigative actions. *Aktualnye problemy gosudarstvennogo razvitiya Rossii: sbornik trudov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Chita, Zabaykalskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2017, pp. 118–122.
9. Anisimov E.B. On primary and urgent investigative actions when investigating drug trafficking crimes. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2008, no. 1, pp. 212–214.
10. Plesneva L.P., Unzhakova S.V. The concept of urgent investigative actions. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossiyskoy Federatsii*, 2015, no. 4, pp. 18–22.
11. Fomin S.A. Topical issues of conducting the urgent investigative actions. *Aktualnye problemy sudebnoy, pravookhranitelnoy, pravozashchitnoy, ugovolno-protsessualnoy deyatel'nosti i natsionalnoy bezopasnosti: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Krasnodar, Prosveshchenie-Yug Publ., 2016, pp. 236–240.
12. Ibatullin R.R. The provision and enforcement of rights and legal interests of a person when conducting the urgent investigative actions in correctional institutions. *Ugolovno-ispolnitelnaya sistema Rossii: problemy i perspektivy: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii adyunktov, aspirantov, kursantov i studentov*. Samara, SYuI FSIN Publ., 2015, pp. 98–101.
13. Belyakov A.V., Gryazeva N.V. Some problems of urgent investigative actions in the cases of jailbreaks. *Ugolovno-ispolnitelnoe pravo*, 2014, no. 1, pp. 35–37.
14. Knysh S.V., Staritsyna S.D. Carrying out urgent investigative actions in criminal cases referred to the competence of customs authorities. *Nauchnyy almanakh*, 2015, no. 12-1, pp. 208–211.
15. Retyunskikh I.A., Zhuravleva N.M. About the signs of the Institute of urgent investigative actions. *Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2016, no. 4, pp. 63–65.
16. Vasilev O.L., Golovko L.V. Urgent investigative actions. *Kurs ugovolnogo protsesssa*. 2nd ed. ispr. Moscow, Statut Publ., 2017, pp. 670–672.
17. Grishin A.I. To the problem of urgent investigative actions in criminal proceedings. *100-letie yuridicheskogo obrazovaniya v Saratovskoy oblasti: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii v ramkakh Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma, posvyashchennogo 100-letiyu gumanitarnogo obrazovaniya v SGU*. Saratov, Saratovskiy istochnik Publ., 2018, pp. 42–45.
18. Kardashevskaya M.V. About the introduction of the amendments to the notion of “the urgent investigative actions”. *Rossiyskiy sledovatel*, 2012, no. 13, pp. 6–7.
19. Ryazantsev V.A. Separate issues of criminal case and material transfer from an investigation authority to a pretrial investigation authority. *Rossiyskiy sledovatel*, 2017, no. 9, pp. 17–19.
20. Stelmakh V.Yu. A concept and features of investigative procedure. *Rossiyskiy yuridicheskii zhurnal*, 2014, no. 2, pp. 88–97.

SOME ISSUES OF LEGISLATIVE REGULATION OF THE URGENT INVESTIGATIVE ACTIONS INSTITUTION

© 2018

A.I. Ivenskiy, PhD (Law), Associate Professor,
assistant professor of Chair of Organization of Fighting against Economic Crimes

K.I. Kapitanov, student of Law Institute
Samara State University of Economics, Samara (Russia)

K.A. Zaburdaeva, lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”

L.V. Makarov, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: criminal procedure; investigative activities; investigative jurisdiction.

Abstract: The juridical-technical drawbacks of regulation of the initial stage of preliminary investigation, in particular, the institution of the urgent investigative actions, determine the contradictions in the regulatory enforcement arising at the initial stage of conducting a preliminary criminal investigation by the investigation authorities and officers in the cases not placed under their jurisdiction.

The algorithm of actions requiring the substantial time consumption related to the physical sending of the materials in accordance with the jurisdiction, especially in the cases of the use of the postal service means, may cause the loss of facts of evidence, the difficulties in the identification of persons indicted on criminal charges, their location, as well as the other problems hindering the further investigation and sometimes even suspending its successful completion.

The urgent investigative actions institution is regulated by the range of criminal procedure legislation norms, randomly spread throughout the different chapters, articles and even parts of the Russian Federation Code of Criminal Procedure, and there are some problems in the regulation of the procedure of the urgent investigative actions when examining a report of a crime.

A number of issues of proper regulatory control of the institution of the urgent investigative actions particularly related to the fact that the legislative body, formulating the applicable regulations, generally highlights that they are conducted by the investigation authorities and, in this connection, the opinion emerges about the failure to conduct the urgent investigative actions in the situation when a crime out of its jurisdiction is identified by an investigation officer. It may be related as well to the fact that when forming the concept of “urgent investigative actions”, the legislative body does not consider such procedural actions in which procedure at the initial stage of an investigation, the urgent need arises, for example, to detain a suspect.

In this connection, the authors prove the suggestions to introduce the amendments to the Code of Criminal Procedure of Russia aimed at the elimination of the existing contradictions and ambiguities in the regulation of the urgent investigative actions institution.

**ПРОБЛЕМА СУДЕЙСКОГО УСМОТРЕНИЯ В ПОЛЕМИКЕ Г. ХАРТА И Р. ДВОРКИНА:
ОЧЕРК ОСНОВНЫХ ПОЗИЦИЙ**

© 2018

С.Н. Касаткин, кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Самарский юридический институт ФСИН России, Самара (Россия)

Ключевые слова: юридические стандарты; правовая неопределенность; судебное решение; судебское усмотрение; юридический позитивизм; Г. Харт; Р. Дворкин.

Аннотация: Предмет настоящей статьи – философская экспликация судебного усмотрения в базовом для англо-американской философии права споре между Гербертом Хартом и Рональдом Дворкином. Рассматривая право как систему правил, Г. Харт подчеркивает их «открытую текстуру», укорененную в языке, когда наряду с ясными случаями употребления юридических терминов и правил, имеются пограничные, проблемные случаи, необходимо требующие судебного выбора из имеющихся альтернатив – усмотрения. При этом умеренное усмотрение мыслится Г. Хартом как средство, обеспечивающее гибкость и разумность правового регулирования, взвешенное решение юридических вопросов сообразно общественным целям и ценностям. Указанная доктрина оспаривается Р. Дворкином как неадекватное описание правовой системы и делегитимация института права, допускающая вменение прав и обязанностей задним числом, осуществляемое должностными лицами, не избранными демократическим путем. Согласно критике, усмотрение не является ни неизбежным, ни желательным. Он выдвигает модель права как интерпретативного предприятия, включающего различные стандарты, прежде всего принципы, обеспечивающие должное применение правил и полноту регламентации. У судьи, связанного институциональным долгом и наилучшей теорией действующего права, всегда есть достаточные основания для решения – нахождения в праве единственно верного ответа на любой юридический вопрос.

Актуальность обращения к данному спору обусловлена спецификой (новизной) его содержания и аргументов по сравнению с аналогичными позициями в отечественной литературе, обсуждением целого ряда важных аспектов судебного усмотрения, имеющих теоретическое и практическое значение. В статье предлагается обзор основных позиций сторон в споре, подводятся некоторые его итоги. В частности, подчеркивается значение рассматриваемого спора для изменения структуры философских позиций в отношении судебного усмотрения, а также важную роль аргументов Р. Дворкина в идейно-методологической трансформации современной англо-американской философии права.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена вопросам философской экспликации судебного усмотрения, представленной в рамках широко известного в западной (англо-американской) юриспруденции спора между британским правоведом, Гербертом Хартом (1907–1992) и его американским коллегой, Рональдом Дворкином (1931–2013) [1–3]. Рассматривая право как систему правил, Г. Харт подчеркивает их лингвистически обусловленную «открытую текстуру», когда наряду с ясными случаями употребления правовых терминов и правил, имеются пограничные и спорные ситуации, необходимо требующие выбора из имеющихся альтернатив, т.е. судебного усмотрения. При этом умеренное усмотрение мыслится Г. Хартом как средство, обеспечивающее гибкость и разумность правового регулирования, взвешенное решение юридических вопросов сообразно общественным целям и ценностям. Для Р. Дворкина такая доктрина выступает неадекватным описанием правовой системы и делегитимацией института права, допускающей вменение прав и обязанностей задним числом, осуществляемое должностными лицами, не избранными демократическим путем. Согласно критике, усмотрение не является ни неизбежным, ни желательным. Он выдвигает модель права как интерпретативного предприятия, включающего различные нормативные стандарты, прежде всего принципы, обеспечивающие должное применение правил и полноту регламентации. У судьи, связанного институциональным долгом и наилучшей теорией действующего права, всегда есть дос-

таточные основания для решения – для нахождения в праве единственно верного ответа на любой юридический вопрос и констатации предустановленных прав и обязанностей сторон даже в спорных случаях.

Обсуждаемая полемика составляет классику современной философии права, сохраняя свою значимость и по сей день. Актуальность обращения к данной полемике в отечественном контексте обусловлена ее существенной спецификой (новизной) в содержании и аргументах по сравнению с аналогичными позициями в русскоязычной литературе, обсуждением целого ряда ключевых аспектов судебного усмотрения (правотворчества), значимых как для создания продвинутой правовой теории и методологии, так и для организации эффективной юридической практики. Основой исследования в настоящей статье выступают ключевые тексты авторов: прежде всего трактат Г. Харта «Понятие права» [4; 5] и ряд очерков «раннего» Р. Дворкина, представленных в работе «Принимая права всерьез».

Базовыми целями исследования являются: 1) обзор позиций Г. Харта о праве, правовой неопределенности и судебском усмотрении; 2) рассмотрение критики этих позиций Р. Дворкином и его собственный взгляд на судопроизводство; 3) фиксация некоторых итогов данного спора.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**Судейское усмотрение в концепции Г. Харта**

Г. Харт выстраивает свою трактовку судебного усмотрения в русле идей юридического позитивизма

и аналитической лингвистической философии. Методологически его концепция заявляется в качестве общего описания права как феномена социальности, в качестве реконструкции (упорядочения) признаваемого и практикуемого в сообществе понятия права и соответствующей структуры рассуждений [4]. При этом такая концепция полагается морально-нейтральной, сосредоточенной на осмыслении права, как оно есть, в противоположность обоснованию права, каким оно должно быть [5; 6].

В этом контексте право трактуется Г. Хартом в качестве системы первичных и вторичных правил, или же системы норм первого и второго порядка (метанорм, наделяющих властью, обеспечивающих сохранение и воспроизводство правил первого порядка) [4]. Особая роль в праве отводится правилу признания: оно определяет формы правотворчества, выступает предельным критерием юридической действительности любого положения и акта в системе, обеспечивает приемлемую целостность и согласованность регулирования и имеет специфический модус существования, проявляясь в согласованной практике судов и должностных лиц по установлению и воспроизводству того, что является правом в данном сообществе [4]. Именно правило признания, как социальный артефакт, формирует различие правового и неправового и конституирует общественный правопорядок. Существование и идентификация права, по Г. Харту, возможны без обращения к морали: он отрицает наличие необходимой связи права и морали как на уровне правопорядка в целом, практикуемых критериев юридического (правило признания есть социальная конвенция), так и на уровне определения конкретной правовой нормы и принятия официального решения (юридическая сила которых может связываться исключительно с их «источником», происхождением) [4; 6]. Вместе с тем он допускает и возможность существования правовых систем, где соответствие нормы / решения субстанциональным ценностям или моральным принципам и ограничениям устанавливается в качестве критерия их юридической действительности [5].

В указанном контексте Г. Харт осмысливает и проблематику судебного усмотрения. В своих рассуждениях он отталкивается от существовавшей в западной (англо-американской) юриспруденции полемики, где точкой отсчета и объектом критики выступал юридический формализм (часто ассоциируемый с классическим позитивизмом). Формализм или «механическая юриспруденция» рассматривает право в качестве «закртой системы» стандартов, содержащей ответы на любые правовые вопросы, – ответы, которые судья лишь находит или «логически» выводит из действующего права применительно к конкретным случаям. Такому подходу противостоит доктрина нормативного скептицизма (представленная американским правовым реализмом). Скептицизм отталкивается от неопределенности права, неспособность официальных стандартов предопределить решение по делу: с точки зрения реалистов, принимая решение, судьи реагируют не на правила, а на конкретные фактические ситуации, воспринимаемые сообразно сложившимся в их сообществе стереотипам или собственным психологическим особенностям, тогда как правила играют здесь подчиненную роль либо действуют как часть официальной риторики (оправдания решения *post factum*).

Не соглашаясь ни с одной из сторон, Г. Харт отстаивает идеи умеренной открытости / неопределенности права и ограниченного судебного усмотрения, которые можно выразить, условно, в описательном и политическом тезисах.

В дескриптивном плане Г. Харт утверждает неустранимость «открытой текстуры» права и вытекающую из этого неизбежность существования судебного усмотрения в любой правовой системе вне зависимости от его официального признания [4; 5]. Отталкиваясь от социального (конвенционального) характера связи между юридическим термином / правилом и социальной ситуацией, автор указывает на существование и различие ясных (типичных) и неясных (периферийных) случаев употребления термина / правила, присущих им «ядра» и «полутени» значения, а также на неопределенность сложившихся образцов и дефиниций в пограничных обстоятельствах, возникающую при использовании как общих формул (статутов), так и авторитетных примеров (прецедентов). Описанная «открытость» языка в пограничных случаях порождает недоопределенность основанных на нем юридических стандартов [6; 7], а значит – необходимость выбора между альтернативными решениями: судебного усмотрения (правотворчества) [4; 5; 8].

По Г. Харту, «открытая текстура» есть неустранимое свойство существующих языков, что обуславливает неизбежность судебного усмотрения: предварительная и исчерпывающая регламентация какой-либо сферы посредством общих языковых образцов невозможна в силу ограниченного знания / предвидения нами будущих фактов и неопределенности осуществления наших целей в новых обстоятельствах [4]. При этом, однако, судебское усмотрение имеет подчиненный статус в правовой системе и по частоте возникновения неурегулированных пограничных ситуаций (относительно редких на практике) [4], и по опоре соответствующих решений на устоявшиеся образцы [4]. Согласно автору, делая выбор в спорной ситуации, судья оценивает образцы и критерии применения термина / нормы и относит новый случай к группе уже классифицированных, типичных случаев, исходя из его содержательной близости и юридической уместности [4; 9].

В политическом плане Г. Харт, признавая крайности судебного усмотрения, утверждает его социальную и юридическую оправданность, связанную с общими функциями права: с осуществлением общественных целей и ценностей в различных и изменяющихся условиях. Отсюда умеренное усмотрение мыслится автором в качестве средства надлежащего обхождения с неопределенностью, поддержания баланса между потребностью в предустановке четких руководств поведения и потребностью в отсроченном решении проблем, адекватно разрешаемых лишь при их возникновении в конкретных случаях [4].

В свете сказанного Г. Харт отвергает формализм и нормативный скептицизм как «Сциллу и Харибду юридической теории» [4; 6; 10]. Так, основной порок формализма видится им в сокрытии или минимизации потребности в выборе, осуществляемом судьей при применении общих правил к частным случаям. Формализм «замораживает» значение правила, так что его общие термины имеют одно и то же значение в каждом

случае его (неясного) использования, постулируя некие черты соответствующего очевидного примера в качестве необходимых и достаточных для включения в область применения данного правила всего, что имеет подобные свойства, вне зависимости от иных характеристик случаев-референтов либо социальных последствий осуществления такого правила. Пределом формализма выступает разработанный правоведами «рай понятий», обретаемый, когда общему термину придается постоянное значение при любом его употреблении в любом правиле правовой системы, что исключает потребность в усилиях по толкованию термина в различных ситуациях. Ценой такой определенности и предсказуемости, по Г. Харту, будет слепая заданность поведения обычного гражданина и судьи в будущих неизвестных обстоятельствах и утрата возможности его оперативного исправления сообразно разумным социальным ориентирам [4].

Не принимает Г. Харт и нормативного скептицизма (реализма) как «теории функционирования правил в судебных решениях», отвергающей «миф о правилах» и утверждающей нормативно неограниченное судейское усмотрение: невозможность ограничить сферу открытой текстуры права делает бессмысленным рассмотрение суда как связанного юридическими правилами. Согласно «скептикам», за регулярностью и единообразием судебной деятельности отсутствует что-либо, что бы трактовалось судами в качестве образца надлежащего судебного поведения. Г. Харт видит в «скепнике» «разочарованного абсолютиста», который обнаружил недостижимость идеала ясных и полностью определенных правил (как в раю формалистов или в мире всевидящих богов) и пришел к отрицанию существования нормативов и связанности ими судебных инстанций. Вместе с тем указанием на открытую текстуру правил, ограничивающих вынесение судебных решений, или на отсутствие санкций для судей, отклоняющихся от правил, как на доводы в пользу нормативного скептицизма, по Г. Харту, игнорируют действительные свойства правил, рассуждая в рамках дилеммы: «Либо правила являются тем, чем они были бы в раю формалистов, и связывают, как пути, либо не существует никаких правил, а есть лишь предсказуемые решения и поведенческие образцы» [4, с. 138–139]. Для автора это дилемма ложна: правило остается правилом даже с открытым набором исключений.

Судейское усмотрение в концепции Р. Дворкина

Р. Дворкин выступает целенаправленным критиком Г. Харта – как всей его теории права, так и взглядов на усмотрение. При этом Р. Дворкин, по сути, рассуждает с альтернативных теоретико-методологических позиций: его теория предстает в качестве частной / пароклиальной (т. е. теории американо-британского), одновременно описательной и нормативной (т. е. оправдывающей юридическую практику), ценностно-ангажированной (требующей апелляции к политической и моральной теории) [11; 12]. Тем самым его доктрина разворачивается как проект осмысления и легитимации права в качестве совокупности различных юридических стандартов, признаваемых и практикуемых в обществе.

Исходным пунктом для Р. Дворкина в критике позитивизма выступает обсуждение правовых принципов.

Таковые отграничиваются автором от правил по ряду критериев. Во-первых, по логико-регулятивным свойствам. Так, если правила («Скорость движения по шоссе не должна превышать 60 м/ч») категоричны, работают по схеме «все или ничего» и предопределяют исход дела, то принципы («Никто не должен получать выгоды от своего правонарушения») не диктуют окончательного решения, дают лишь ориентир, доводы «за» или «против», оправдывая различные действия и выводы. Если правила характеризуются действительностью и не могут коллизировать между собой, поскольку в этом случае только одно из них сохранит силу, то принципы оцениваются по своей значимости, «весу», а выбор в пользу одного из них в конкретном деле не отменяет дальнейшего действия (и возможного первенства) конкурирующих принципов. Во-вторых, по статусу / основаниям членства в правопорядке. Тогда как правила определяются по происхождению, принципы – по своему содержанию, морально-политической ценности, признанности сообществом, что делает их несводимыми к конкретным случаям официального употребления. Заданность принципов системой многочисленных меняющихся и взаимодействующих стандартов исключает возможность формулировки четкого всеобъемлющего стабильного правила признания для их идентификации. В-третьих, по значимости в судебном решении. Именно принципы играют здесь главную роль, обеспечивая достижение наиболее оправданного юридического результата, в том числе действуя как основания для решения в отсутствие четких законодательных правил или для неприменения / нейтрализации последних [13; 14]. По Р. Дворкину, вынося решение, судья упорядочивает юридические стандарты в рамках создаваемой им теории конкретного случая, организуя «созвездие» правовых принципов, обеспечивающих решение, которое наилучшим образом соответствует институциональной истории системы (имеющимся статутам, прецедентам и т. д.) и дает ей наилучшее оправдание [15].

Р. Дворкин различает усмотрение в «сильном» и «слабом» смысле. В первом случае усмотрением обладает принимающее решение лицо, когда оно «не связано стандартами, установленными соответствующей властью»; во втором случае усмотрение сводится к тому, что «стандарты, которые надлежит применять должностному лицу, не могут быть применены механически, но требуют определенного рассуждения» [13, с. 31–32; 14]. Поскольку Р. Дворкин настаивает на включении в право принципов, «слабое» усмотрение представляется ему и очевидным, и неизбежным, а посему в обосновании нуждается именно сильный смысл усмотрения. Однако продолжает ученый, включение принципов в состав права делает ситуацию, при которой судьи не связаны официальными стандартами, невозможной. Судьи могут выносить решения, применяя принципы, что будет означать лишь «слабый» характер такого усмотрения: при развитии современных правовых систем, их принципов судья, при достаточном знании, терпении, квалификации всегда может найти доводы в пользу того или иного решения, защиты прав той или иной стороны в процессе [13].

В развитие сказанного, Р. Дворкин указывает на нелегитимность усмотрения, вытекающую из особого

(отличного от законодателя) институционального статуса судебной власти и долга судьи. Базовым здесь полагается «тезис о правах», в соответствии с которым судебные решения (в том числе по сложным делам) основываются и должны основываться на аргументах не от цели, а от принципа, т.е. оправдываются и должны оправдываться не какой-либо коллективной целью общества, а обеспечением индивидуального или группового права. В силу доктрины политической ответственности, суд связан институциональной историей правовой системы, требованием последовательности своих решений («бесшовная ткань» права). Это в первую очередь подразумевает согласованность в реализации им правовых принципов, в рамках которой возможно перетолкование официальных установлений, их маргинализация и нейтрализация. Отсюда сильное усмотрение, уместное для законодателя, противоречит статусной роли судьи, выражающейся в обязанности защиты официально признанных прав индивидов в пределах имеющихся юридических принципов и правил, следующих из наилучшего оправдания институциональной истории системы, наилучшей политической / моральной теории, создаваемой им для конкретного случая [15].

На этой основе, Р. Дворкин выдвигает свой «тезис правильного ответа» – утверждение о существовании в правовой системе единственно верного ответа на любой юридический вопрос. Данный тезис трактуется Р. Дворкином скорее в качестве элемента идеологии права как социального института, обусловленного практикой конвенцией профессионального сообщества. Эта конвенция утверждает институциональную обязанность судей по «нахождению» (обоснованию) надлежащего решения по делу, связанной с защитой прав на базе ценностного истолкования прежних решений. Тем самым она задает соответствующие схемы и стратегии юридического рассуждения, подкрепляя легитимность и силу официального правопорядка [16].

Впоследствии Р. Дворкин предлагает развернутое обоснование собственной концепции права как юридического интерпретативизма и холизма («права как целостности»). По мысли автора, право не сводимо к набору существующих текстов, решений (к праву в «доинтерпретативном» смысле), но является результатом их «конструктивного» истолкования через наложение цели / ценности на предмет или практику, т.е. через определение принципов, которые и наилучшим образом «соответствуют» установленным нормам и юридической практике правовой системы, и обеспечивают им наилучшее моральное оправдание, показывая тем самым право «в его лучшем свете». Право приравнивается Р. Дворкином к его наилучшей интерпретации, а судья мыслится как соавтор уже начатого другими юридическим романа, который призван на основе истолкования уже имеющего текста предложить его наилучшее продолжение, обосновав тем самым имеющийся в праве единственно верный ответ [11; 17].

С этих позиций, позитивистская концепция видится Р. Дворкину неудовлетворительной. Она является отстраненным теоретизированием о праве, которое упрощает реальность, не дает практической помощи в сложных делах, не согласуется с подлинным судопроизводством, включающим множество случаев, когда в отсутствие ясных правил судьи полагают себя связанными

иными юридическими стандартами (принципами), тем самым игнорируя важные ограничения судебной деятельности, подрывая ценностные основания права и судебной власти. Соответственно, Р. Дворкин отвергает базовые идеи позитивизма (в том числе концепции Г. Харта): 1) право состоит только из правил (по мнению критика, оно включает принципы и иные стандарты); 2) правила определяются посредством «правил признания», т.е. через критерии, связанные с их официальным установлением, а не содержанием (что может относиться к правилам, но не применяется к принципам); 3) там, где правило не предусматривает решения по делу, судьи обладают («сильным») усмотрением (по Р. Дворкину, учет принципов отрицает это); 4) в случаях усмотрения, ни одна из сторон не имеет предзаданного юридического права на выигрыш дела (надлежащее применение принципов и правил при отрицании усмотрения обуславливает наличие единственно верного решения дела и обязанность судьи по его вынесению).

Из рассуждений Р. Дворкина вытекает и ряд важных критических следствий для доктрины усмотрения Г. Харта. Так, с одной стороны, поскольку через принципы право укоренено в политической морали сообщества, ценностные противоречия последней порождают споры о самих основаниях права («теоретические разногласия»), делая дискуссионной любую интерпретацию любого юридического правила. Тем самым ставится под сомнение само разделение «ядра» и «полутени» значения правила (возможной стабилизации последнего), осуществляется своеобразная абсолютизация их «открытой текстуры», подрывая заданные Г. Хартом границы судейского усмотрения. С другой стороны, вхождение принципов в состав права в качестве ключевого, системообразующего элемента, с учетом долга судьи и идеологии института права, обеспечивает полноту, беспробельность последнего, (предзаданное) существование в системе единственного ответа на каждый юридический вопрос, что, наоборот, не оставляет места для отстаиваемого Г. Хартом судейского усмотрения. В подтверждение этого Р. Дворкин апеллирует к риторике судей и адвокатов, описывающих задачи суда, и к феноменологии принятия судебного решения, особенно по «сложным делам». Как замечает автор, судьи при решении дел и представители сторон не говорят, что судья «создает» право, в том числе в отношении новых, нестандартных дел. Даже в самом сложном из подобных случаев судья зачастую не обнаруживает осознания того, что есть, как считают позитивисты, две различных стадии в процедуре принятия решения: одна, на которой судья сначала находит, что существующее право не может предписать какого-либо решения, а вторая, на которой он затем отворачивается от существующего права с тем, чтобы *de novo* и *ex post facto* создать право для сторон согласно его представлению о том, что является наилучшим в данной ситуации. Вместо этого стороны обращаются к судье так, как если бы он всегда был заинтересован в том, чтобы обнаружить и реализовать существующее право, а судья выражается так, как если бы право было беспробельной системой правомочий, в которой решения по любому делу ожидают своего открытия, а не изобретения. Позиция же Г. Харта, по мысли критика, означает юридическую произвольность решений судебной власти, ее

уподобление законодателю. Это, в свою очередь, порождает недемократизм и несправедливость правовой системы и судопроизводства, допуская ретроспективное правотворчество со стороны невыборного органа, и ведя к общей делегитимации права [13; 15].

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Рассмотренная полемика вызвала резонанс в западной (англо-американской) философии права второй половины XX века. Ее итогом стало преобразование интеллектуального пространства юриспруденции по целому ряду проблем правоведческой методологии, понимания права, теории судебного решения и пр. Это касается и структуры позиций в отношении судебного усмотрения. С одной стороны, в качестве одного из полюсов сохраняется доктрина правовой неопределенности (нормативного скептицизма), представленная как прошлыми учениями правовых реалистов, так и более поздними версиями «Критических правовых исследований» (притом, что описание классиков реализма Г. Хартом признано не до конца корректным: оно не учитывает контекст их высказываний и предмет анализа, которые ограничивают степень радикальности суждений в части отрицания значения правил в судебных решениях [18]). С другой стороны, в качестве альтернативы, отстаивающей полноту права и отвергающей судебное усмотрение, выступает концепция Р. Дворкина (она параллельна формализму, но, в отличие от последнего, отрицает статичность права, автоматизм судебной аргументации и базируется на иных методологических началах, включая обращение к лежащим в основе института права идеологии, конвенциям и схемам интерпретации). Наконец, в числе промежуточных, срединных позиций располагается учение Г. Харта и его сторонников о недоопределенности права и ограниченном судебном усмотрении (притом, что на представленной шкале позиций Г. Харт во многом ближе полюсу определенности, учитывая его установки о разрешении новых дел в контексте ясных случаев, подчиненного статуса судебного усмотрения в системе).

Что касается содержательной оценки спора между Г. Хартом и Р. Дворкином, следует отметить наличие значимых аргументов с обеих сторон при распространности в западной литературе позиции о большей убедительности доктрины Г. Харта, или, как минимум, о недостаточности аргументов Р. Дворкина для ее опровержения [2; 3; 19]. Для подобных выводов есть весомые основания. Так, изложение Р. Дворкином позиций оппонента было зачастую некорректным (речь, в частности, о широкой трактовке правила у Г. Харта, охватывающей различные стандарты, в том числе принципы, признание им возможности включения ценностей в правило признания в числе критериев юридического, обоснование ограниченности судебного усмотрения, несоответствия законодотворчеству и пр.). К тому же многие тезисы Р. Дворкина согласуемы с позитивизмом или даже проигрывают ему в обоснованности объяснений права и судопроизводства (речь о проблемах содержательной идентификации права и юридических принципов, неустранимости лингвистической открытости стандартов, неидентифицируемости и спорности единственно верного ответа, конкуренции аргументов, аналогий, стандартов и т. п.) [2; 3; 20].

Вместе с тем, следует подчеркнуть ряд моментов, неучтенных в данном «вердикте» и способствующих более комплексному взгляду на значение и роль доктрины Р. Дворкина. Во-первых, предложенный им вызов явился важным стимулом для уточнения и развития позитивизма (включая концепцию Г. Харта) – для общетеоретической разработки проблем разнородности юридических стандартов, разделения права и морали, правовой неопределенности, усмотрения и т. д. Во-вторых, благодаря Р. Дворкину трансформируется проблемное поле философии права, смещаясь от традиционных вопросов правопонимания к вопросам судебной деятельности и юридического решения (проблемам юридической аргументации, полномочий судьи, возможности отступления от «ясного» правила, технологии решения в сложных делах и т. п.), что активизирует практический потенциал правовой теории. Наконец, в-третьих, методологическая специфика теории Р. Дворкина, как одновременно дескриптивной и нормативной, сформировала новую линию проблематизации основ рассуждения о праве (например, рефлексии судебного усмотрения с точки зрения идеологии института, нормативных ожиданий и риторики участников судебного процесса), вводя в оборот иные критерии оценки спора позитивизма и естественного права, несводимые к вопросам корректности теоретико-юридического описания [21].

ВЫВОДЫ

1. Представленные в споре воззрения Герберта Харта и («раннего») Рональда Дворкина содержат значимые аргументы в осмыслении феномена судебного усмотрения. При этом доводы Р. Дворкина видятся недостаточными для опровержения концепции Г. Харта и его последователей.

2. Тем не менее, аргументы Рональда Дворкина сыграли важную роль в преобразовании системы позиций в современной западной теории судебного усмотрения, в развитии доктрины позитивизма, а также в трансформации классической полемики между позитивизмом и учениями естественного права.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-011-01213 «Право как целостность – право как интерпретация: теоретико-методологическая и проблемно-историческая реконструкция доктрины юридического интерпретативизма Рональда Дворкина (1967–1986)».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Stavropoulos N. The Debate That Never Was // Harvard Law Review. 2017. Vol. 130. № 8. P. 2082–2095.
2. Shapiro S. The “Hart-Dworkin” Debate: A Short Guide for the Perplexed // Ronald Dworkin. Cambridge: CUP, 2007. P. 22–55.
3. Leiter B. Beyond the Hart/Dworkin Debate: The Methodology Problem in Jurisprudence // American Journal of Jurisprudence. 2003. Vol. 48. № 1. P. 17–51.
4. Hart H.L.A. The Concept of Law. 1st ed. Oxford: OUP, 1961. 262 p.
5. Hart H.L.A. The Concept of Law. 2nd ed. with Hart's Postscript. Oxford: OUP, 1994. 315 p.

6. Hart H.L.A. Positivism and the Separation of Law and Morals // *Essays in Jurisprudence and Philosophy*. Oxford: OUP, 1983. P. 49–87.
7. Hart H.L.A. Problems of Philosophy of Law // *Essays in Jurisprudence and Philosophy*. Oxford: OUP, 1983. P. 88–119.
8. Hart H.L.A. Discretion // *Harvard Law Review*. 2013. Vol. 127. P. 652–665.
9. Bix B. H.L.A. Hart and the “Open Texture” of Language // *Law and Philosophy*. 1991. № 1. P. 51–72.
10. Hart H.L.A. American Jurisprudence through English Eyes: The Nightmare and The Noble Dream // *Essays in Jurisprudence and Philosophy*. Oxford: OUP, 1983. P. 123–144.
11. Dworkin R. *Law’s Empire*. Cambridge: HUP, 1986. 470 p.
12. Dworkin R. Hart’s Posthumous Reply // *Harvard Law Review*. 2017. Vol. 130. № 8. P. 2096–2130.
13. Dworkin R. Model of Rules // *Taking Rights Seriously*. 2nd ed. Cambridge: HUP, 1978. P. 14–45.
14. Dworkin R. Model of Rules II // *Taking Rights Seriously*. 2nd ed. Cambridge: HUP, 1978. P. 46–80.
15. Dworkin R. Hard Cases // *Taking Rights Seriously*. 2nd ed. Cambridge: HUP, 1978. P. 81–130.
16. Dworkin R. Can Rights be Controversial? // *Taking Rights Seriously*. 2nd ed. Cambridge: HUP, 1978. P. 279–290.
17. Dworkin R. Law as Interpretation // *A Matter of Principle*. Cambridge: HUP, 1985. P. 167–180.
18. Twining W. Karl Llewellyn and the Realist Movement. 2nd ed. Cambridge: HUP, 2012. 666 p.
19. Касаткин С.Н. Проблема судейского усмотрения в полемике Харта и Дворкина: линии аргументации и методологические истоки спора // *Правоведение*. 2012. № 3. С. 11–34; № 4. С. 10–33.
20. Mackie J. The Third Theory of Law // *Philosophy and Public Affairs*. 1977. Vol. 7. № 1. P. 3–16.
21. Касаткин С.Н. In Memoriam. Рональд Дворкин, философ права (1931–2013): очерк биографии и творчества // *Правоведение*. 2013. № 3. С. 169–194.
3. Leiter B. Beyond the Hart/Dworkin Debate: The Methodology Problem in Jurisprudence. *American Journal of Jurisprudence*, 2003, vol. 48, no. 1, pp. 17–51.
4. Hart H.L.A. *The Concept of Law*. 1st ed. Oxford, OUP Publ., 1961. 262 p.
5. Hart H.L.A. *The Concept of Law*. 2nd ed. with Hart’s Postscript. Oxford, OUP Publ., 1994. 315 p.
6. Hart H.L.A. Positivism and the Separation of Law and Morals. *Essays in Jurisprudence and Philosophy*. Oxford, OUP Publ., 1983, pp. 49–87.
7. Hart H.L.A. Problems of Philosophy of Law. *Essays in Jurisprudence and Philosophy*. Oxford, OUP Publ., 1983, pp. 88–119.
8. Hart H.L.A. Discretion. *Harvard Law Review*, 2013, vol. 127, pp. 652–665.
9. Bix B. H.L.A. Hart and the “Open Texture” of Language. *Law and Philosophy*, 1991, no. 1, pp. 51–72.
10. Hart H.L.A. American Jurisprudence through English Eyes: The Nightmare and The Noble Dream. *Essays in Jurisprudence and Philosophy*. Oxford, OUP Publ., 1983, pp. 123–144.
11. Dworkin R. *Law’s Empire*. Cambridge, HUP Publ., 1986. 470 p.
12. Dworkin R. Hart’s Posthumous Reply. *Harvard Law Review*, 2017, vol. 130, no. 8, pp. 2096–2130.
13. Dworkin R. Model of Rules. *Taking Rights Seriously*. 2nd ed. Cambridge, HUP Publ., 1978, pp. 14–45.
14. Dworkin R. Model of Rules II. *Taking Rights Seriously*. 2nd ed. Cambridge, HUP Publ., 1978, pp. 46–80.
15. Dworkin R. Hard Cases. *Taking Rights Seriously*. 2nd ed. Cambridge, HUP Publ., 1978, pp. 81–130.
16. Dworkin R. Can Rights be Controversial? *Taking Rights Seriously*. 2nd ed. Cambridge, HUP Publ., 1978, pp. 279–290.
17. Dworkin R. Law as Interpretation. *A Matter of Principle*. Cambridge, HUP Publ., 1985, pp. 167–180.
18. Twining W. *Karl Llewellyn and the Realist Movement*. 2nd ed. Cambridge, HUP Publ., 2012. 666 p.
19. Kasatkin S.N. The problem of judicial discretion in a dispute between h. L. A. Hart and R. Dworkin: lines of argumentation and methodological sources of the debate. *Pravovedenie*, 2012, no. 3, pp. 11–34; no. 4, pp. 10–33.
20. Mackie J. The Third Theory of Law. *Philosophy and Public Affairs*, 1977, vol. 7, no. 1, pp. 3–16.
21. Kasatkin S.N. In Memoriam. Ronald Dworkin, a philosopher of law (1931–2013): a sketch of biography and work. *Pravovedenie*, 2013, no. 3, pp. 169–194.

REFERENCES

1. Stavropoulos N. The Debate That Never Was. *Harvard Law Review*, 2017, vol. 130, no. 8, pp. 2082–2095.
2. Shapiro S. The “Hart-Dworkin” Debate: A Short Guide for the Perplexed. *Ronald Dworkin*. Cambridge, CUP Publ., 2007, pp. 22–55.

**THE PROBLEM OF JUDICIAL DISCRETION IN HART-DWORKIN DEBATE:
AN OVERVIEW OF MAIN POSITIONS**

© 2018

S.N. Kasatkin, PhD (Law), Associate Professor,
Professor of Chair of Theory and History of State and Law
Samara Law Institute of FPS of Russia, Samara (Russia)

Keywords: legal standards; legal indeterminacy; judicial decision; judicial discretion; legal positivism; H.L.A. Hart; R. Dworkin.

Abstract: This paper deals with a philosophical explication of judicial discretion in the dispute between Herbert Hart and Ronald Dworkin, basic for the Anglo-American legal philosophy. Treating law as a system of rules, H. Hart emphasizes their “open texture” rooted in language, when, along with clear cases of use of legal terms and rules, there are borderline, problematic cases that require a judicial choice between existing alternatives, i.e. a discretion. H. Hart also conceives a moderate discretion as a means of ensuring flexibility and rationality of legal regulation, as well as the weighted solution of legal issues in accordance with social goals and values. This doctrine is contested by R. Dworkin as an inadequate description of a legal system and the delegitimation of the institution of law, which allows backdating of rights and obligations carried out by officials not elected democratically. According to the critic, the discretion is neither inevitable nor desirable. He proposes a model of law as an interpretative enterprise that includes various standards, primarily principles that ensure the proper application of rules and completeness of regulation. Being bound by his institutional debt and the best theory of the valid law, a judge always has sufficient reasons for a decision: for finding the unique right answer to any legal question.

The topicality of addressing this dispute is conditioned by the specificity (novelty) of its content and arguments as compared with similar positions in domestic Russian literature, discussing a number of important aspects of judicial discretion that are of theoretical and practical importance. The paper presents an overview of the main positions of dispute parties as well as of some of its results. In particular, the article emphasizes the significance of the debate for changing the structure of philosophical positions regarding judicial discretion, and the important role of R. Dworkin’s arguments in the ideological and methodological transformation of contemporary Anglo-American philosophy of law.

**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ
РОССИЙСКИХ И ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН**

© 2018

И.В. Рузанов, генеральный директор*Автономная некоммерческая организация**«Центр исследования проблем взаимодействия государства, общества и личности», Самара (Россия)*

Ключевые слова: трудовая миграция; равноправие; экономический анализ права; эффективность; экономические права; конфликт интересов; ограничения прав; право и экономика.

Аннотация: В работе рассматривается вопрос о конституционно-правовых ориентирах разрешения конкуренции трудовых прав российских граждан и мигрантов. Констатируется, что по общему правилу, в силу императивных требований Конституции российские граждане и иностранцы равны по своему правовому статусу. Исключения возможны только применительно к политическим правам. Однако анализ российского законодательства показывает, что нередко объектом ограничений становятся экономические права, мало связанные со спецификой взаимоотношений государства и гражданина. Указанное обстоятельство требует выработки методологического инструментария, позволяющего оценивать обоснованность ограничений в каждом конкретном случае. Поставленная задача решается с помощью теоретических подходов, принятых в дисциплине «экономический анализ права». При анализе любого конфликта интересов необходимо четко понимать весь объем социальных ценностей, стоящих за каждым из них. С этой точки зрения то, что кажется ограничением трудовых прав граждан иностранных государств, на самом деле может оказаться ограничением широкого круга законных интересов российских граждан. Таким образом, при решении вопроса об ограничении экономических прав иностранных граждан в пользу россиян необходимо учитывать не только собственно экономические аспекты, но и широкий круг иных ценностей.

В целом, в работе констатируется, что различия в объеме прав россиян и иностранцев является исключением, а не правилом, и, видимо, миграционное законодательство Российской Федерации должно быть смягчено.

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап развития экономики России актуализирует проблему трудовой миграции. Это явление ставит целый комплекс вопросов перед обществом – здесь и культурологические аспекты, и политические, и, безусловно, экономические. По понятным причинам особенно остро указанная проблема стоит в регионах, граничащих с иностранными государствами.

Неудивительно, в этой связи, то пристальное внимание конституционно-правовой науки, которое привлекает обозначенная проблема. Так, например, тщательный анализ миграционной политики содержится в диссертации Е.Ю. Стахановой [1]. Хотелось бы также отметить и ряд других работ данного автора, в которых заявленная тема проанализирована в историческом плане [2], в сравнительно-правовом [3], а также оценена в рамках позитивистской парадигмы исследования [4–6].

Вместе с тем, при изучении существующих исследований нельзя не заметить отсутствие в них экономической составляющей. Вместе с тем, поскольку миграция, прежде всего, имеет экономический характер, полагаем, что ее правовое осмысление невозможно без подключения аппарата экономической науки. В настоящее время сформировался целый ряд научных дисциплин, изучающих взаимодействие Конституции и экономики. Так, предметом научного направления «право и экономика» являются стратегические экономические решения, принимаемые органами публичной власти [7]. Экономический анализ права – отрасль знаний, исследующая эффективность и обоснованность экономических решений органов власти. Европейские ученые выработали доктрину экономической конституции, под которой понимаются конституционные нормы-принципы, гарантии, связанные между собой логико-правовыми связями, и направленные на регулирование экономических отношений [8]. Традиционно сильным

данное направление представлено в американской науке. Среди американских ученых следует выделить труды Р. Познера, который является отцом-основателем экономического анализа права [9].

Цель работы – конституционно-правовой анализ миграционных процессов на основе методологии экономического анализа права.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Декларируя приверженность экономическому анализу праву, мы, тем не менее, полагаем, что при разрешении таких сложных социально-политических дилемм необходимо опираться на конституционные нормы.

Как установлено частью 3 статьи 62 Конституции, иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации.

По общему правилу, изъятиями из приведенной нормы являются политические права, которыми иностранцы пользуются в меньшем объеме, чем россияне. Например, лица с гражданством зарубежного государства не обладают пассивным и активным избирательным правом. Что касается личных прав, то здесь правовое положение иностранцев и россиян не различается.

Причины ограничения политических прав иностранных граждан понятны – это либо необходимость обеспечения безопасности государства, либо такие ограничения вытекают из самого существования права. Однако как показывает анализ законодательства, государство активно ограничивает иностранных граждан и в экономической сфере. Например, часть 3 статьи 15 Земельного Кодекса ограничивает право иностранных лиц обладать на праве собственности земельными участками, находящимися на приграничных территориях

[10]. Статья 56 Воздушного Кодекса серьезно ограничивает возможность включения в состав летного экипажа коммерческого воздушного судна Российской Федерации иностранцев [11]. Они также не могут быть частными охранниками [12].

Таким образом, несмотря на то, что иностранные граждане и граждане России по общему правилу пользуются одинаковым объемом прав и свобод, в экономической сфере государство нередко вводит дополнительные запреты и ограничения для иностранцев, по существу, создавая преимущества для отечественных граждан и компаний.

Отвечают ли требованиям Конституции такие подходы законодателя? Конституционный Суд давал толкование нормы части 3 статьи 62 Конституции, которая позволяет ограничивать права иностранцев на основании федерального закона. Как отметил суд, «из данной статьи в ее взаимосвязи со статьей 17 (часть 2) и другими статьями Конституции Российской Федерации, касающимися прав и свобод человека и гражданина, следует, что речь идет о случаях, устанавливаемых лишь применительно к таким правам и обязанностям, которые являются правами и обязанностями именно гражданина Российской Федерации, то есть возникают и осуществляются в силу особой связи между государством и его гражданами» [13]. Исходя из приведенной правовой позиции Конституционного Суда, сложно обосновать, например, запрет иностранцам на работу частными охранниками, поскольку право на занятие определенной профессией вряд ли можно назвать связанным с отношениями между личностью и государством.

Г.А. Гаджиев полагает, что принцип защиты интересов отечественных предпринимателей вытекает из положений пункта «д» части 1 статьи 114 Конституции, в соответствии с которым Правительство осуществляет меры по обеспечению государственной, и в том числе, экономической безопасности [14, с. 164]. Данное объяснение также не универсально. Приведенная норма устанавливает компетенцию Правительства, однако, как видно, часто ограничения прав иностранцев осуществляется на уровне законодателя.

Очевидно, что в каждом случае введения запретов необходимо тщательное правовое, точнее даже политико-правовое обоснование. Принятие таких мер должно сопровождаться всесторонним анализом и сопоставлением ограничиваемого права, а также широкого спектра иных конституционно значимых ценностей. Примером здесь может служить позиция Конституционного Суда в отношении норм, ограничивающих земельные права иностранных граждан. Суд подчеркнул, что принцип приоритета прав российских граждан на землю вытекает из норм статей 9 и 36 Конституции Российской Федерации [15]. В Постановлении также отмечается, что такие ограничения имеют целью обеспечить суверенные права Российской Федерации на все ее природные богатства и ресурсы, защитить интересы российской экономики в переходный период, гарантировать российскими гражданам и юридическим лицам относительно равные условия конкуренции с иностранным капиталом и тем самым – реализацию ими конституционного права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

Следует отметить, что при обосновании необходимости запретов и ограничений в экономической сфере для иностранцев полезным может оказаться экономический анализ права, а также доктрина эффективности. Попробуем использовать этот подход при исследовании вопроса о соотношении трудовых прав россиян и иностранцев. Известно, что иностранные граждане в Российской Федерации обладают ограниченными трудовыми правами. Указанная категория работников должна получить разрешение на работу, количество которых лимитировано решениями исполнительных органов власти. Данные нормы направлены на поддержку российских граждан, поскольку этим ослабляется конкуренция на трудовом рынке.

Можно утверждать, что имеется конкуренция конституционных прав. С одной стороны, необходимо защищать трудовые права российских граждан, закрепленные в ст. 37 Конституции РФ. Однако мигранты, приезжающие в Россию, производят те или иные блага, обеспечивая россиянам возможность пользоваться ими. Причем очень часто это не высококвалифицированные кадры из западных стран, а низкооплачиваемые рабочие из стран СНГ, основное место приложения труда которых – строительная сфера. Понятно, что затраты строительных компаний на оплату их работы в конечном итоге ложатся на покупателей жилья. Хорошо известно, что цена недвижимости (в частности жилья) в России и так чрезвычайно высока. Полагаем, что удорожание рабочей силы (а с экономической точки зрения, требование получения разрешения на работу мигрантами по квотам является именно дополнительной транзакционной издержкой) является одним из факторов, влияющих на цену жилья. В связи с этим можно утверждать, что усложнение доступа к российскому рынку труда для мигрантов блокирует право граждан России на достойную жизнь, которое включает в себя, в том числе и возможность пользования качественным жильем. Таким образом, вопрос о трудовых мигрантах, помимо прочего, является еще и вопросом конкуренции двух конституционных прав: на труд, с одной стороны, и на достойную жизнь – с другой.

Итак, налицо трудовая конкуренция между российскими рабочими и иностранными. Конкурентным преимуществом последних является дешевизна их труда. Дешевый фактор производства стимулирует развитие этого производства и делает конечный продукт дешевле и, следовательно, доступнее. Доступность продукта, в свою очередь, стимулирует потребительскую активность, а значит, развитие смежных отраслей (например, если говорить о доступности жилья, то она будет стимулировать развитие производства отделочных материалов, мебели и т. д.). Следовательно, в сферу действия благоприятного эффекта деятельности иностранных рабочих оказывается втянутым широкий круг лиц. Кроме того (возможно, что для конституционного права это даже более важно), граждане России получают возможность приобретения более доступного с точки зрения цен жилья.

В случае, если вводится норма, затрудняющая доступ мигрантов к работе (такая норма и существует в сегодняшней России), усиливаются конкурентные преимущества российских рабочих. Однако конечная стоимость производимого ими продукта увеличивается,

значит, спрос на нее падает, что в свою очередь, сокращает спрос на продукцию смежников.

Таким образом, анализируя конфликт между иностранными и российскими рабочими с позиции экономического анализа права и доктрины эффективности, отметим, что конфликт этот не простой, и его анализ требует учета широкого круга ценностей. Очевидно, к нему нельзя подходить линейно. Так, в случае с мигрантами, работающими в строительной сфере, принцип максимизации богатства указывает, что решение конфликта в пользу иностранных рабочих защитит право на достойную жизнь широкого, практически неограниченного круга лиц, так как потенциальным покупателем жилья является каждый гражданин России. Дополнительно будут обеспечены трудовые права большого количества работников предприятий смежных отраслей. Тогда как в случае разрешения конфликта в пользу российских рабочих будут защищены лишь трудовые права последних. Представляется, что право на достойную жизнь, а точнее на одну из его компонент – жилье, находится на шкале ценностей выше, чем право на труд, хотя последнее, безусловно, также очень важно. Жилье является фундаментальной необходимостью для нормального существования личности, и в этом ключ к разрешению вопроса трудовой миграции.

Следовательно, при решении вопроса об ограничении экономических прав иностранных граждан в пользу россиян необходимо учитывать не только собственно экономические аспекты, но и широкий круг иных ценностей. Если законодатель ограничивает иностранцев, то он должен четко понимать, для защиты каких конституционно значимых интересов это делается.

Последние перечислены в части 3 статьи 55 Конституции – основы конституционного строя, нравственность, здоровье, права и законные интересы других лиц, обеспечение обороны страны и безопасность государства. Понятно, что указанные критерии в значительной степени абстрактны, тогда как участники экономической деятельности заинтересованы в стабильности и предсказуемости правового регулирования. Как подчеркивал Конституционный Суд РФ «принципы свободы экономической деятельности и свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств предполагают наличие надлежащих гарантий стабильности, предсказуемости и надежности гражданского оборота» [16].

В этой связи, целесообразно принятие программных документов, в которых были бы зафиксированы долгосрочные приоритеты страны с тем, чтобы все заинтересованные лица на основе анализа этих документов могли бы предвидеть возможные ограничения своих возможностей, на которые вправе пойти власти. Для последних это было бы неплохим ориентиром и мерой правового ограничения притязаний субъектов правоотношений.

В качестве примера такого документа можно привести Указ Президента РФ «О государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях)» [17]. В этом документе дан анализ угроз экономической безопасности страны, среди которых названы в частности: завоевание иностранными фирмами внутреннего рынка России по многим видам товаров народного потребления; приобретение иностранными фирмами российских предпри-

ятий в целях вытеснения отечественной продукции как с внешнего, так и с внутреннего рынка (пункт 2 раздела II Указа). Обозначая критерии состояния экономики, отвечающие требованиям безопасности, Указ называет, помимо прочего: недопущение критической зависимости экономики от импорта важнейших видов продукции, производство которых на необходимом уровне может быть организовано в стране, сохранение государственного контроля над стратегическими ресурсами (пункт 1 раздела III), поддержание научного потенциала страны и сохранение ведущих отечественных научных школ, способных обеспечить независимость России на стратегически важных направлениях научно-технического прогресса (пункт 5 раздела III).

Можно охарактеризовать как позитивную практику принятие Федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года» и принятое в целях ее реализации Постановление Правительства РФ от 09.10.2009 № 808 (ред. от 11.10.2011). Указанным Постановлением утверждено Положение об упрощенной выдаче разрешений на привлечение и использование иностранных работников и разрешений на работу иностранным гражданам [18].

Данные положения обладают нормативным статусом и потому вполне могут служить для законодателя и для широкого круга участников экономических отношений критерием допустимости ограничения прав иностранцев в пользу россиян. Каждое такое ограничение должно служить цели дезавуирования той или иной угрозы экономической безопасности или решения той или иной стратегической задачи страны.

Отметим, что принцип равноправия предполагает не только отказ от необоснованных ограничений прав иностранных граждан, но и запрет на чрезмерное «заигрывание» с иностранными специалистами и инвесторами. К сожалению, такое иногда происходит в российских регионах, которые в борьбе за иностранные деньги предоставляют зарубежным компаниям большие льготы по сравнению с отечественным бизнесом. Ярким примером такой политики в Самарской области стало инвестиционное соглашение областного Правительства с компанией ИКЕЯ, ставшее достоянием гласности благодаря журналистскому расследованию [19]. К чему это может привести, ярко показывает пример европейских стран, в частности Франции. Иммиграционное законодательство этой страны предусматривает льготы и преимущества для предпринимателей-мигрантов, в результате чего, «в течение последних 25 лет иммигранты составляли более 7 % населения страны» [20]. Такое нарушение принципа равноправия также не отвечает конституционным требованиям.

ВЫВОДЫ

В целом отличие в правовом статусе иностранцев и россиян это исключение, а не правило, нормой является равноправие участников экономической жизни вне зависимости от национальности или страны происхождения капитала. Каждый случай ограничения прав иностранных граждан должен быть тщательно обоснован необходимостью защиты тех или иных конституционных ценностей. Для более точного решения конфликтов и коллизий в рассматриваемой сфере может быть

полезно такое направление как экономический анализ права. Его методологические подходы позволяют видеть за каждым из возможных решений казусной ситуации широкий спектр социальных интересов, что, в свою очередь, дает новые возможности для конституционно-правовой интерпретации сложных конфликтов в миграционной сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стаханова Е.Ю. Миграционная политика России – объект конституционно-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. 199 с.
2. Стаханова Е.Ю. К вопросу о становлении и развитии миграционной политики в России // Юридический аналитический журнал. 2007. № 1-2. С. 56–62.
3. Стаханова Е.Ю. Уроки исторического опыта Франции и миграционная политика современной России // Юридический аналитический журнал. 2007. № 3-4. С. 107–112.
4. Стаханова Е.Ю. Конституционные принципы политики России в сфере миграции и их развитие в текущем законодательстве // Конституционные чтения: межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Поволж. акад. гос. службы, 2008. С. 223–227.
5. Стаханова Е.Ю. Правовые принципы регулирования миграционных процессов и проблемы их конституционно-правового закрепления в Российской Федерации // Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения: материалы международной научной конференции. М.: Моск. ун-т, 2008. С. 348–352.
6. Стаханова Е.Ю. Концептуальные основы миграционной политики в Российской Федерации // Аспирантский вестник Поволжья. 2008. № 5-6. С. 136–139.
7. Гаджиев Г.А. Цели, предмет и содержание курса «Право и экономика» // Бизнес, менеджмент и право. 2011. № 2. С. 8–15.
8. Гаджиев Г.А. Конституция как правовая основа современной экономики // Право и инвестиции. 2009. № 1. С. 26–27.
9. Познер Р. Экономический анализ права. Т. 1. СПб.: Экономическая школа, 2004. 522 с.
10. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ: ред. от 03.08.2018 // Российская газета. 2001. № 211-212.
11. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ: ред. от 03.08.2018 // Российская газета. 1997. № 12.
12. О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации: Закон РФ от 11.03.1992 № 2487-1: ред. от 05.12.2017 // Российская газета. 1992. № 100.
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.1998 № 6-П // Собрание законодательства РФ. 1998. № 9. Ст. 1142.
14. Гаджиев Г.А. Защита основных экономических прав и свобод предпринимателей за рубежом и в Российской Федерации (опыт сравнительного исследования). М.: Манускрипт, 1995. 232 с.
15. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.04.2004 № 8-П // Собрание законодательства РФ. 2004. № 18. Ст. 1833.
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6-П // Собрание законодательства РФ. 2003. № 17. Ст. 1657.
17. Указ Президента РФ от 29.04.1996 № 608 «О государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях)» // Российская газета. 1996. № 89.
18. Постановление Правительства РФ от 09.10.2009 № 808: ред. от 11.10.2011 // Российская газета. 2009. № 194.
19. ИКЕА забирает из областного бюджета льготами // Самарское обозрение. 2014. № 53. С. 10–11.
20. Fassman H., Munz R. European Migration in the Late Twentieth Century: Historical Patterns, Actual Trends and Social Implications. England: Brookfield, 1994. 287 p.

REFERENCES

1. Stakhanova E.Yu. *Migratsionnaya politika Rossii – obekt konstitutsionno-pravovogo regulirovaniya*. Dis. kand. jurid. nauk [Migration policy of Russia – an object of constitutional and legal regulation]. Samara, 2009. 199 p.
2. Stakhanova E.Yu. To the issue of formation and development of migration policy in Russia. *Yuridicheskiy analiticheskiy zhurnal*, 2007, no. 1-2, pp. 56–62.
3. Stakhanova E.Yu. The examples of historical experience of France and migration policy of modern Russia. *Yuridicheskiy analiticheskiy zhurnal*, 2007, no. 3-4, pp. 107–112.
4. Stakhanova E.Yu. Constitutional principles of the Russian policy in the sphere of migration and their development in the current legislation. *Konstitutsionnye chteniya: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*. Saratov, Povolzh. akad. gos. sluzhby Publ., 2008, pp. 223–227.
5. Stakhanova E.Yu. Legal principles of regulation of migration processes and the issues of their constitutional and legal confirmation in the Russian Federation. *Probely i defekty v konstitutsionnom prave i puti ikh ustraneniya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Moscow, Mosk. un-t Publ., 2008, pp. 348–352.
6. Stakhanova E.Yu. Conceptual basis of the Russian federation migration policy. *Aspirantskiy vestnik Povolzhya*, 2008, no. 5-6, pp. 136–139.
7. Gadzhiev G.A. Objectives, subject and content of the course “Law and Economics”. *Biznes, menezhment i pravo*, 2011, no. 2, pp. 8–15.
8. Gadzhiev G.A. Constitution as the legal basis of current economics. *Pravo i investitsii*, 2009, no. 1, pp. 26–27.
9. Pozner R. *Ekonomicheskiy analiz prava* [Economic Analysis of Law]. Sankt Petersburg, Ekonomicheskaya shkola Publ., 2004. Vol. 1, 522 p.
10. Land Code of the Russian Federation dated the 25th of October 2001 No.136-FZ: ed. 03.08.2018. *Rossiyskaya gazeta*, 2001, no. 211-212.
11. Air Code of the Russian Federation dated the 19th of March 1997 No.60-FZ: ed. 03.08.2018. *Rossiyskaya gazeta*, 1997, no. 12.
12. On Private Detective and Security Activity in the Russian Federation: Law of the RF dated the 11th of March 1992 No.2487-1: ed. 05.12.2017. *Rossiyskaya gazeta*, 1992, no. 100.

13. The RF Constitutional Court Ruling dated the 17th of February 1998 No.6-P *Sobranie zakonodatelstva RF*, 1998, no. 9, st. 1142.
14. Gadzhiev G.A. *Zashchita osnovnykh ekonomicheskikh prav i svobod predprinimateley za rubezhom i v Rossiyskoy Federatsii (opyt sravnitel'nogo issledovaniya)* [The defense of principal economic rights and liberties of business owners abroad and in the Russian Federation (the experience of comparative study)]. Moscow, Manuscript Publ., 1995. 232 p.
15. The RF Constitutional Court Ruling dated the 23rd of April 2004 No.8-P. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2004, no. 18, st. 1833.
16. The RF Constitutional Court Ruling dated the 21st of April 2003 No.6-P. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2003, no. 17, st. 1657.
17. The Decree of the RF President dated the 29th of April 1996 No.608 “On the National Strategies of Economic Security of the Russian Federation (in general provisions)”. *Rossiyskaya gazeta*, 1996, no. 89.
18. The RF Government Decree dated the 9th of October 2009 No.808: ed. 11.10.2011. *Rossiyskaya gazeta*, 2009, no. 194.
19. IKEA takes out from regional budget in bonuses. *Samarskoe obozrenie*, 2014, no. 53, pp. 10–11.
20. Fassman H., Munz R. *European Migration in the Late Twentieth Century: Historical Patterns, Actual Trends and Social Implications*. England, Brookfield Publ., 1994. 287 p.

THE PROBLEM OF INTERRELATION OF ECONOMIC RIGHTS OF RUSSIAN AND FOREIGN CITIZENS

© 2018

I.V. Ruzanov, General Director

ANO “Center of Research of the Problems of Interaction of State, Society and Personality”, Samara (Russia)

Keywords: labor migration; legal equality; economic analysis of law; efficiency; economic rights; conflict of interests; limitation of rights; law and economy.

Abstract: The paper considers the issue of constitutional and legal objectives for the allowance of competitiveness of labor rights of the Russian citizens and migrants. It is stated that under the general rule, by virtue of mandatory requirements of the Constitution, the Russian citizens and foreign persons are equal in legal status. The exceptions are possible in respect to the political rights only. However, the analysis of Russian legislation shows that the economic rights slightly related to the specificity of interrelations of the state and a citizen become often an object of limitation. The specified circumstance requires the development of methodological tools allowing estimating the reasonability of limitation in each individual case. The task set is solved with the help of theoretical approaches accepted within the discipline “Economic analysis of law”. When analyzing any conflict of interests, it is necessary to understand clearly the whole volume of social values standing behind each of them. From this point of view, that which seems to be the limitation of labor rights of citizens of foreign states may actually prove to be the limitation of a wide range of legal interests of the Russian citizens. Thus, when solving the issue of the limitation of economic rights of foreign citizens in favor of the Russians, it is necessary to take into account both the economic aspects themselves and the wide range of other values.

As a whole, the paper states that the differences in the volume of rights of the Russians and foreign citizens are an exception and not a rule and, evidently the migration legislation of the Russian Federation should be lightened.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В РОССИИ

© 2018

А.Н. Станкин, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Конституционное и административное право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: демократия; власть; правовое государство; разделение властей; законодательная власть; исполнительная власть; судебная власть.

Аннотация: В статье анализируется принцип разделения властей как неотъемлемый атрибут современного демократического правового государства, причем независимо от формы правления. Подчеркивается, что данный принцип имеет свои особенности в каждом государстве, в зависимости от его исторических, религиозных, этнических и иных особенностей. Обращается внимание на то, что принцип разделения властей, в классическом понимании, предполагающий разделение власти государственной на законодательную, исполнительную и судебную, во многом модифицировался. Появились нетипичные государственные органы, не вписывающиеся ни в одну из ветвей традиционной триады государственной власти, например, Центральная избирательная комиссия РФ, Банк России, Уполномоченный по правам человека в РФ, Администрация Президента, прокуратура, Следственный комитет РФ и другие. В конституционно-правовой науке наметился подход, согласно которому принцип разделения властей вполне применим и на уровне местного самоуправления.

Подчеркивается, что принцип разделения властей не означает их обособление, а напротив, предполагает их активное взаимодействие. Подчеркивается недопустимость вмешательства властей в компетенцию друг друга. Обращается внимание на определенное несоответствие статей 10 и 11 Конституции РФ. Автор поддерживает мнение исследователей, выступающих за необходимость устранения таких несоответствий. Рассматривается роль Президента Российской Федерации в системе разделения властей. В частности, говорится о том, что у Президента России весьма широкие полномочия по отношению ко всем традиционным ветвям власти: законодательной, исполнительной и судебной. При этом наибольшее влияние глава государства имеет на исполнительную власть. Анализируется точка зрения отдельных исследователей и политиков об отнесении Российской Федерации к президентской республике.

ВВЕДЕНИЕ

Принцип разделения властей является одним из атрибутов демократического правового государства. Пожалуй, наиболее ярко о значении данного принципа сказано во Французской Декларации прав и свобод человека и гражданина: «Всякое общество, в котором не обеспечено пользование правами и не проведено разделение властей, не имеет Конституции» [1]. Сегодня данный принцип закреплен в конституциях многих стран, причем независимо от формы правления. При этом интерпретация принципа разделения властей в том или ином государстве во многом определяется его историческими, религиозными, этническими и иными особенностями. Так согласно Конституции Королевства Бахрейн «Система государственного управления основана на разделении законодательной, исполнительной и судебной власти, поддерживая при этом сотрудничество между ними в соответствии с положениями Конституции» [2]. Законодательная власть в руках Короля и Национальной ассамблеи. Исполнительной властью наделен Король совместно с Советом министров и министры, и судебные решения выносятся именем Короля в соответствии с положениями этой Конституции.

Вопрос власти является непростым в любом государстве. В условиях России вопросы власти зачастую сопровождались трагическими событиями. Резкий скачок из одной формации в другую для нашего государства не мог не пройти бесследно. Действующая Конституция, призванная закрепить и упорядочить властеотношения в государстве, на сегодняшний день вызывает много вопросов. Так, если в ст. 10 Основного Закона [3] упоминается о традиционной триаде властей, то уже в ст. 11 говорится о государственной власти Президента

РФ. Данное обстоятельство оставляет весьма широкий простор для научных изысканий.

Например, А.А. Югов утверждает, что в вопросе разделения государственной власти на виды (ветви) не следует ограничиваться только анализом ст. 10 Конституции РФ, а важно системно и комплексно осмыслить все содержание действующего Основного Закона России. По его мнению, необходимо выделять, исходя из структуры Конституции России следующие виды государственной власти: президентская, законодательная, исполнительная, судебная [4]. Конечно, в этом есть определенная логика, но возникают вопросы с иными, упомянутыми в Конституции государственными органами. С.А. Авакьян предлагает не ограничиваться традиционной триадой властей, а выделять также президентскую, банковскую, избирательную, прокурорскую и другие виды властей [5]. Более того, в науке сейчас все чаще поднимается вопрос о разделении властей на уровне местного самоуправления [6, с. 19].

Неопределенность соотношения полномочий Президента и Правительства РФ вызывает достаточно большие споры в части отнесения России к той или иной форме республики (от смешанной до суперпрезидентской) [7]. Сами первые лица государства считают Россию президентской республикой. В частности, будучи президентом, Д.А. Медведев заявлял, что «Россия была и останется президентской республикой с жесткой вертикалью исполнительной власти» [8]. Сходную позицию озвучил и В.В. Путин в 2003 году [9]. С данной точкой зрения можно согласиться с учетом того, что судьба Правительства РФ, начиная с момента его формирования, заканчивая его отставкой – прерогатива Президента РФ. В любом случае, необходимо четко

разграничить компетенцию Президента и Правительства, о чем говорит Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, а также многие другие исследователи [10].

Цель работы – исследование особенности принципа разделения властей в России с учетом современных реалий, выявить основные проблемные моменты его реализации.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В России не последнюю роль во взаимоотношениях Президента РФ, Государственной Думы и Правительства играет партийная составляющая. Следует отметить, что это не является чем-то сверхъестественным в современном мире. Это сложившаяся практика в ряде государств. Так, К.В. Арановский, говорит о единстве правительства и парламента ФРГ на почве правящего парламентского большинства. Вместе с тем, он не видит больших угроз демократии при наличии полноценной оппозиции [11].

Характеризуя партийную систему государства, Р.М. Дзидзоев справедливо говорит о том, что в Российской Федерации в последнее десятилетие сложилась, по существу, однопартийная система, характеризующаяся подавляющим численным и политическим превосходством одной партии – «Единой России», по праву называемой правящей, преобладающей на всех уровнях представительной власти. Иные партии, представленные в федеральном парламенте, в совокупности представляют едва ли треть всех избирателей [12].

Нельзя отрицать прогрессивную роль «Единой России» в укреплении российской государственности, решении ряда социальных, экономических и иных проблем. В тоже время, сращивание власти законодательной и исполнительной исключает полноценный отчет власти исполнительной перед законодательной, что является коррупциогенным фактором.

Доминирование, превосходство «Единой России» во многом обуславливается тем, что она является партией власти, возглавляемой руководством страны [13]. В этом плане сложно провести грань между Председателем Правительства РФ и Руководителем партии «Единая Россия», что порою приобретает курьезный оттенок. Например, одним из постановлений Правительства РФ (Председатель Д.А. Медведев) был введен новый порядок взимания с граждан платы за общедомовые нужды [14], исходя из нормативов потребления соответствующих видов коммунальных ресурсов целях содержания общего имущества в многоквартирном доме, который, по большому счету, не учитывал наличие общедомовых приборов учета потребляемых ресурсов. После массовых возмущений граждан был проведен съезд партии «Единая Россия» (Председатель Д.А. Медведев), на котором было принято решение о необходимости пересмотра порядка взимания платы с граждан за общедомовые нужды [15].

Максимальное упрощение правил создания политических партий повлекло массовое их появление. Однако это повлекло за собой сколь-нибудь значимой политической конкуренции. По состоянию на 1 января 2017 года было официально зарегистрировано 77 политических партий. В то же время в прошедших в сентябре 2016 г. выборах депутатов Государственной Думы седьмого

созыва принимали участие лишь 14 политических партий. Из них пройти в Госдуму смогли лишь традиционные четыре партии («Единая Россия», ЛДПР, КПРФ и «Справедливая Россия»). Вне партий прошли в Думу лишь два парламентария. При этом «Единая Россия» получила 343 мандата (конституционное большинство). Данное обстоятельство позволяет Правительству РФ не обсуждать свои проекты с другими партиями, что, конечно, с одной стороны, удобно, для Правительства, с другой стороны это мало, чем отличается от советской действительности.

В условиях современной России говорить о полноценной политической конкуренции пока не приходится, что не способствует демократическому развитию государства. По все видимости, в ближайшее время доминирование «правящей партии» в ближайшей перспективе сохранится. Вопрос лишь в незначительной корректировке в ту или иную сторону рейтинга. Отметим, что первые звоночки ослабления правящей партии появились в сентябре 2018 г., когда на выборах разного уровня коммунисты победили в Республике Хакасия, Ульяновской и Иркутской областях, Великом Новгороде, Димитровграде, Тольятти и Сызрани. Впрочем, это было голосование не столько за КПРФ, сколько протест против пенсионной реформы.

Реализация принципа разделения властей невозможна без наличия независимой судебной власти. Заметим, что в некоторых странах гарантии независимости судебной власти, прежде всего, от власти исполнительной установлены на конституционном уровне. Например, согласно ст. 50 Конституции Индии: «Государство предпримет шаги к отделению судебной власти от исполнительной в органах публичной власти Государства» [16]. Более категоричная формулировка содержится в ст. 22 Конституции Народной Республики Бангладеш: «Государство гарантирует отделение органов судебной власти от органов исполнительной власти государства» [17].

Согласно ч. 1 ст. 120 Конституции РФ, судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону. Закон о судебной системе говорит о независимости судебной власти от других властей [18]. Казалось бы, все предельно ясно, нормы императивные. Однако, весьма неоднозначно выглядит фраза Д.А. Медведева, которую он обронил, находясь на посту Президента России: «В любом случае у государства должна быть возможность как-то донести свою позицию [до судов]... чтобы судьи понимали, какова позиция государства, это тоже важно, кстати. Это не банальность, это правда» [19]. Такого рода заявления – шаг в советское прошлое, когда суд в качестве самостоятельной и независимой ветви власти не рассматривался. Суд воспринимался и сейчас воспринимается как карательный орган, «судилище» [20].

Если обратить внимание на количество оправдательных приговоров в России (0,2 %), то можно сделать два вывода: либо сверхкачественно работает следствие, либо следствие и судебная власть работают в одной «упряжке». Для сравнения, в различных государствах Евросоюза процент оправдательных приговоров – от 25 до 50 процентов, а в США – 17,25 % [21].

Кроме того, практически нет судебных решений об отмене результатов выборов даже в тех случаях, когда

победившие кандидаты в депутаты совершили множество избирательных правонарушений. Судебная тенденция не создавать прецедентов об отмене результатов выборов становится все более очевидной, хотя, конечно, официально ее никто не формулирует. По сути, именно в таких судебных процессах, вытекающих из публичных правоотношений, и обнаруживается фактическое признание Д.А. Медведева об установках, которые даются судебной власти, особенно по политическим процессам. В результате судебная власть, как заявляет профессор Н.А. Боброва, в своих решениях легализует избирательные правонарушения, открывает дорогу для новых правонарушений, как бы заранее их амнистируя. Такая ситуация с «независимостью» судебной власти развращает власть в целом, подрывает доверие населения и к выборам, и к власти [22].

ВЫВОДЫ

Особенностями принципа разделения властей в России являются:

Во-первых, всеобъемлющая роль Президента Российской Федерации.

Во-вторых, отсутствие баланса властей, в силу доминирования исполнительной власти.

В-третьих, отсутствие реальной политической конкуренции.

В-четвертых, наличие органов власти, не вписывающихся в традиционную триаду ветвей государственной власти.

В-пятых, отсутствие де-факто гарантий независимости судебной власти, прежде всего, от власти исполнительной.

Необходимо разграничить полномочия Президента РФ и Правительства РФ, создать условия для развития реальной многопартийности, обеспечить на практике гарантии независимости судебной власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Декларация прав человека и гражданина. Конституция Франции: принята Учредительным собранием 26.08.1789 // Великая французская революция. URL: larevolution.ru/declaration.html.
2. Конституция Королевства Бахрейн: принята от 14.02.2002 // Конституции государств (стран) мира: интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. URL: worldconstitutions.ru/?p=79.
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
4. Югов А.А. Единство и дифференциация публичной власти: система разделения властей // Российская юстиция. 2017. № 9. С. 5–8.
5. Авакьян С.А. Политические отношения и конституционное регулирование в современной России: проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2003. № 11. С. 43–54.
6. Авакьян С.А. Разделение властей: для каких уровней применять? // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 4. С. 15–26.
7. Тарабан Н.А. Конституция Российской Федерации: двадцать лет в российской истории // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 8. С. 8–12.
8. Россия может быть только президентской республикой – Медведев // РИА новости. URL: ria.ru/politics/20081116/155232533.html.
9. В. Путин: Россия должна остаться президентской республикой // РБК. URL: rbc.ru/politics/20/06/2003/5703b57a9a7947783a5a4910.
10. Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. URL: rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniami.html.
11. Арановский К.В. Разделение властей как условие конституционной демократии // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 6. С. 16–22.
12. Дзидзоев Р.М. Партийная система и вопросы избирательной демократии в России // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 3. С. 36–38.
13. Лебедев В.А. Государственная власть и политические партии в современной России: конституционно-правовые проблемы их взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11. С. 26–30.
14. Постановление Правительства РФ от 26.12.2016 N 1498 «О вопросах предоставления коммунальных услуг и содержания общего имущества в многоквартирном доме» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 2-I. Ст. 338.
15. «Единая Россия» законодательно урегулирует плату за общедомовые нужды // Рязанское информационное агентство. URL: 7info.ru/ryazan/ryazan-society/edinaja_rossija_zakonodatelno_ureguliruet_platu_za_obschedomovye_nuzhdy/.
16. Конституция Республики Индия от 26.11.1949 // Конституции государств (стран) мира: интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. URL: worldconstitutions.ru/?p=28.
17. Конституция Народной Республики Бангладеш от 04.11.1972 // Конституции государств (стран) мира: интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. URL: worldconstitutions.ru/?p=25.
18. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. 25.12.2012) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.
19. Восемь чудес судебной системы // Московские новости. URL: mn.ru/oped/77180.
20. Колесников Е.В., Селезнева Н.М. Статус суда в Российской Федерации: конституционные вопросы. Саратов: Саратовская государственная академия права, 2008. 204 с.
21. 1 к 466: почему российские суды стали оправдывать еще реже // РБК. URL: rbc.ru/society/25/04/2018/5added539a79477ac3e23377.
22. Боброва Н.А. Причины легализации избирательных правонарушений в судебных решениях // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 5. С. 62–66.
23. Боброва Н.А. Итоги муниципальной реформы – 2014 // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2018. № 1. С. 27–31.

REFERENCES

1. Declaration of the Rights of Man and of the Citizen. Constitution of France: passed by the Constitutional convention on the 26th of August 1789. *Velikaya frantsuzskaya revolyutsiya*. URL: larevolution.ru/declaration.html.
2. Constitution of the Kingdom of Bahrain: adopted on 02.14.2002. *Konstitutsii gosudarstv (stran) mira: internet-biblioteka konstitutsiy Romana Pashkova*. URL: worldconstitutions.ru/?p=79.
3. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2014, no. 31, st. 4398.
4. Yugov A.A. Unity and differentiation of public authorities: the system of separation of powers. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2017, no. 9, pp. 5–8.
5. Avakyan S.A. Political relations and constitutional regulation in modern Russia: problems and prospects. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2003, no. 11, pp. 43–54.
6. Avakyan S.A. Separation of powers: for which levels to apply? *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, 2018, no. 4, pp. 15–26.
7. Taraban N.A. The constitution of the Russian federation: 20 years in Russian history. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie*, 2014, no. 8, pp. 8–12.
8. Russia can only be a presidential republic – Medvedev. *RIA novosti*. URL: ria.ru/politics/20081116/155232533.html.
9. V. Putin: Russia must remain a presidential republic. *RBK*. URL: rbc.ru/politics/20/06/2003/5703b57a9a7947783a5a4910.
10. Zorkin V.D. The letter and spirit of the Constitution. *Rossiyskaya gazeta*. URL: rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniyami.html.
11. Aranovskiy K.V. Separation of powers as a condition of constitutional democracy. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, 2012, no. 6, pp. 16–22.
12. Dzidzoev R.M. The party system and issues of electoral democracy in Russia. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2018, no. 3, pp. 36–38.
13. Lebedev V.A. Government and Political Parties in the Present-Day Russia: Constitutional Law Issues of Interaction. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2017, no. 11, pp. 26–30.
14. The RF Government Decree dated the 26th of December 2016 No. 1498 “On the issues of the communal services providing and the maintenance of common property in an apartment building”. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2017, no. 2-I, st. 338.
15. United Russia Legislatively Regulates House-Based Housekeeping Fees. *Ryazanskoe informatsionnoe agentsvo*. URL: 7info.ru/ryazan/ryazan-society/edinaja_rossija_zakonodatelno_ureguliruet_platu_za_obschedomovye_nuzhdy/.
16. Constitution of the Republic of India from 11.26.1949. *Konstitutsii gosudarstv (stran) mira: internet-biblioteka konstitutsiy Romana Pashkova*. URL: worldconstitutions.ru/?p=28.
17. Constitution of the People’s Republic of Bangladesh of 11.04.1972. *Konstitutsii gosudarstv (stran) mira: internet-biblioteka konstitutsiy Romana Pashkova*. URL: worldconstitutions.ru/?p=25.
18. Federal Constitutional Law dated the 31st of December 1996 No. I-FKZ (ed. 25.12.2012) “About the judicial system of the Russian Federation”. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 1997, no. 1, st. 1.
19. The Eight Wonders of the Judicial System. *Moskovskie novosti*. URL: mn.ru/oped/77180.
20. Kolesnikov E.V., Selezneva N.M. *Status suda v Rossiyskoy Federatsii: konstitutsionnye voprosy* [Court status in the Russian Federation: constitutional issues]. Saratov, Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava Publ., 2008. 204 p.
21. 1 to 466: why Russian courts began to justify even less often. *RBK*. URL: rbc.ru/society/25/04/2018/5added539a79477ac3e23377.
22. Bobrova N.A. Reasons for legalization of election legal offences in judicial decisions. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2015, no. 5, pp. 62–66.
23. Bobrova N.A. Results of the Municipal Reform of 2014. *Munitsipalnaya sluzhba: pravovye voprosy*, 2018, no. 1, pp. 27–31.

ABOUT SOME SPECIAL ASPECTS OF THE PRINCIPLE OF SEPARATION OF POWERS IN RUSSIA

© 2018

A.N. Stankin, PhD (Law), Associate Professor,
assistant professor of Chair “Constitutional and Administrative Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: democracy; power; rule-of-law state; separation of powers; legislative power; executive power; judicial power.

Abstract: The paper analyzes the principle of separation of powers as an integral feature of a modern democratic rule-of-law state regardless of the form of government. It is highlighted that this principle has its features in each state depending on its historical, religious, ethnic, and other peculiarities. The author draws attention to the fact that the principle of separation of powers, in its traditional understanding, supposing the separation of state power in the legislative, executive and judicial powers underwent modifications to a large extent. Non-traditional state authorities appeared that fit in neither of the branches of traditional state power triad, for example, the RF Central Elections Commission, Bank of Russia, Ombudsman in the RF, Presidential Executive Office, Prosecution Office, Russian Investigative Committee, etc. In the constitutional-legal science, the approach emerged, according to which the principle of separation of powers is completely applicable at the level of local self-government.

The author highlights that the principle of separation of powers does not mean their isolation but, on the contrary, supposes their active interaction. The author emphasizes the inadmissibility of interference of powers in the jurisdiction of each other. The paper draws attention to the definite contradiction of the Articles 10 and 11 of the RF Constitution. The author defends the opinion of the researchers standing for the necessity to eliminate such discrepancies. The role of the President of the Russian Federation in the system of separation of powers is considered. In particular, the author says that the President of Russia has rather large powers in relation to all traditional branches of power: legislative, executive, and judicial. Furthermore, the head of the state has the most impact on the executive power. The author analyzes the opinion of some researchers and politicians about the consideration of the Russian Federations as a presidential republic.

НАШИ АВТОРЫ

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент, заместитель ректора, директор Института права.

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.

Тел.: (8482) 53-93-67

E-mail: svetlana-vershinina@ya.ru

Забурдаева Кристина Александровна, преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: 8 937 237-77-33

E-mail: kris.alexandrovna1992@yandex.ru

Закомолдин Алексей Валериевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право и процесс», доцент кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес 1: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 57.

Адрес 2: Самарская гуманитарная академия (филиал в г. Тольятти), 445045, Россия, г. Тольятти, ул. Л. Чайкиной, 87.

Тел.: 8 927 211-21-71

E-mail: zakomoldin@mail.ru

Ивенский Андрей Игоревич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации борьбы с экономическими преступлениями.

Адрес: Самарский государственный экономический университет, 443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

Тел.: 8 960 811-06-75

E-mail: andrey.ivenkiy@yandex.ru

Капитанов Кирилл Игоревич, студент Института права.

Адрес: Самарский государственный экономический университет, 443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

Тел.: 8 937 202-89-49

E-mail: ekakir97@mail.ru

Касаткин Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права.

Адрес: Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, России, г. Самара, ул. Рыльская, 24 в.

Тел.: (846) 205-67-28

E-mail: kasatka_s@bk.ru

Макаров Леонид Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: 8 904 747-06-54

E-mail: makarov_leonid@mail.ru

Рузанов Илья Владиславович, генеральный директор.

Адрес: АНО «Центр исследования проблем взаимодействия государств общества и личности», 443099, Россия, Самара, ул. Куйбышева/Некрасовская, 100/21.

E-mail: iruzanov@yandex.ru

Станкин Алексей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Конституционное и административное право».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская 14.

Тел.: 8 927 890-82-08

E-mail: ans77@list.ru

OUR AUTHORS

Ivenskiy Andrey Igorevich, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair of Organization of Fighting against Economic Crimes.

Address: Samara State University of Economics, 443090, Russia, Samara, Soviet Army Street, 141.

Tel.: 8 960 811-06-75

E-mail: andrey.ivenkiy@yandex.ru

Kapitanov Kirill Igorevich, student of Law Institute.

Address: Samara State University of Economics, 443090, Russia, Samara, Soviet Army Street, 141.

Tel.: 8 937 202-89-49

E-mail: ekakir97@mail.ru

Kasatkin Sergey Nikolayevich, PhD (Law), Associate Professor, Professor of Chair of Theory and History.

Address: Samara Law Institute of FPS of Russia, 443022, Russia, Samara, Rylskaya Street, 24 v.

Tel.: (846) 205-67-28

E-mail: kasatka_s@bk.ru

Makarov Leonid Vladimirovich, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”.

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.

Tel.: 8 904 747-06-54

E-mail: makarov_leonid@mail.ru

Ruzanov Iliya Vladislavovich, General Director.

Address: ANO “Center of Research of the Problems of Interaction of State, Society and Personality”, 443099, Russia, Samara, Kuibyshev/Nekrasovskaya Street, 100/21.

E-mail: iruzanov@yandex.ru

Stankin Aleksey Nikolayevich, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair “Constitutional and Administrative Law”.

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.

Tel.: 8 927 890-82-08

E-mail: ans77@list.ru

Vershinina Svetlana Ivanovna, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Rector (Director of Institute of Law).

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.

Tel.: (8482) 53-93-67

E-mail: svetlana-vershinina@ya.ru

Zaburdaeva Kristina Aleksandrovna, lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”.

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.

Tel.: 8 937 237-77-33

E-mail: kris.alexandrovna1992@yandex.ru

Zakomoldin Aleksey Valerievich, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”, assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”.

Address 1: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.

Address 2: Samara Academy of Humanities (branch in Togliatti), 445045, Russia, Togliatti, L. Chaikina Street, 87.

Tel.: 8 927 211-21-71

E-mail: zakomoldin@mail.ru